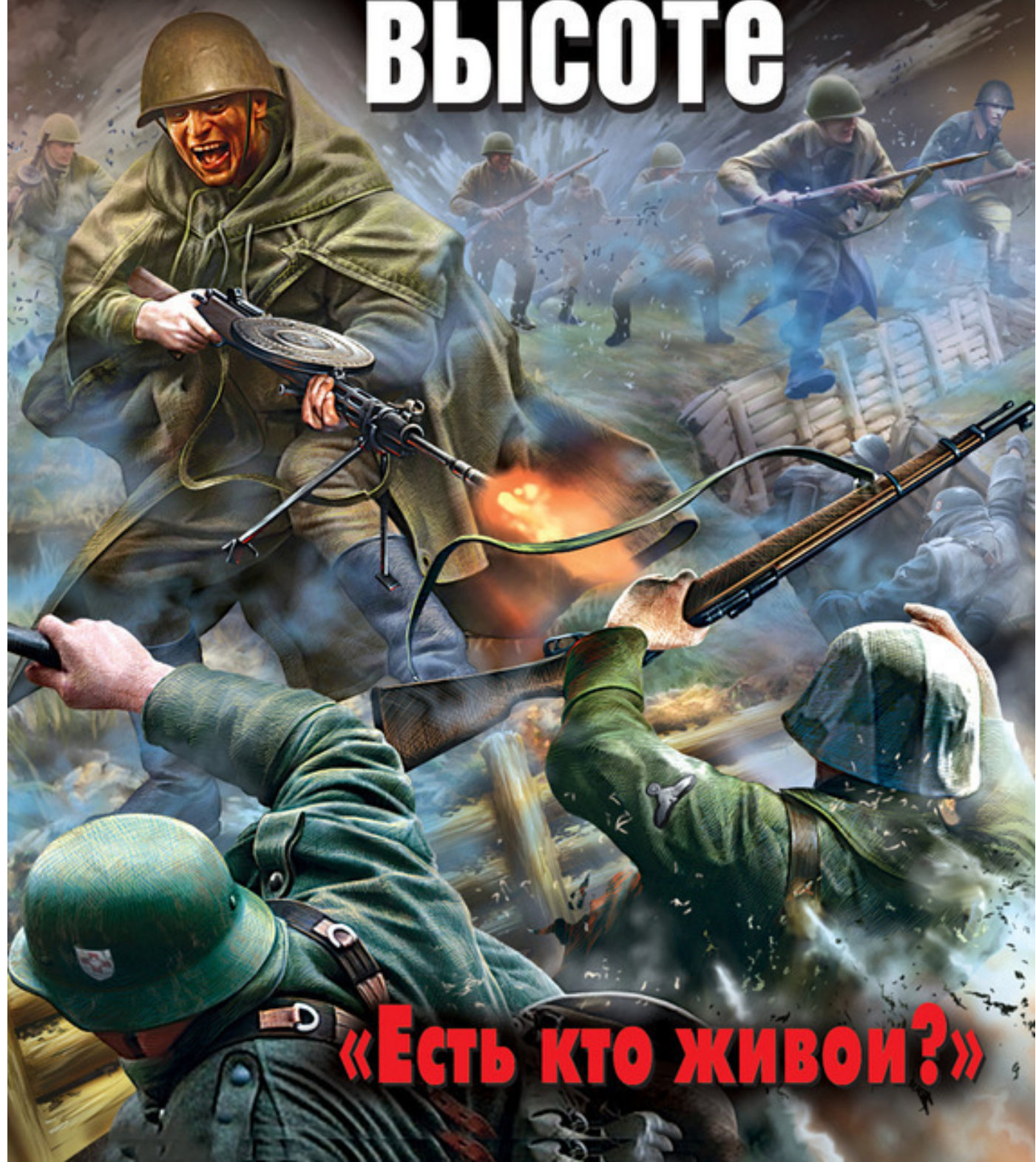

Сергей МИХЕЕНКОВ

Штрафной взвод на Безымянной высоте

«Есть кто живой?»

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Сергей Михеенков

**Штрафной взвод на Безымянной
высоте. «Есть кто живой?»**

«Яуза»

2012

Михеенков С. Е.

Штрафной взвод на Безымянной высоте. «Есть кто живой?» /
С. Е. Михеенков — «Яуза», 2012 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

После отчаянной атаки или самоубийственной разведки боем, едва отдышавшись и стерев кровь с лица, – первое, что спрашивают штрафники: «Братцы, остался кто живой?..» Новая книга от автора бестселлеров «Штрафная рота», «Штрафники против гитлеровского спецназа» и «Обреченный взвод» основана на реальных событиях и подлинных судьбах фронтовиков, попавших в жернова сталинского приказа № 227 «Ни шагу назад!». Не сумев выполнить этот беспощадный приказ и отступив без команды, остатки стрелкового взвода в полном составе направлены в штрафную роту и брошены на штурм Безымянной высоты – той самой, о которой сложили песню «У незнакомого поселка, на безымянной высоте...», а после войны превратили в мемориал, где похоронены не только шестнадцать «из восемнадцати ребят», но еще сотни неизвестных солдат, оставшихся безымянными потому, что были штрафниками...

Содержание

Безымянная высота	5
Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	26
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Михеенков

Штрафной взвод на Безымянной высоте. «Есть кто живой?»

Безымянная высота (повесть)

*Памяти солдат и офицеров 718-го сибирского полка, погибших в
бою на Безымянной высоте у деревни Рубеженки в октябре 1943 года*

Часть первая «Приготовиться к атаке!»

Глава первая

Атака не удалась. Неровные цепи штрафников вначале залегли на пологом пригорке, на самом проклятом месте, а потом, оставляя тут и там неподвижные серые бугорки убитых, стали скатываться вниз, к кустарнику, к траншеям третьего батальона. Следом, волоча перебитые руки и ноги и стараясь не потерять винтовок, ползли раненые. Они звали санитаров, кто истошно, чужим голосом, кто сдавленно-тихо, уже не надеясь, что ему помогут, кто просто матерился, проклинал всех и все на свете и лихорадочно загребал руками и ногами к своей траншее. Те, кому в этой атаке пули не досталось, завидовали им: раненых в следующую атаку не поведут. До первой крови. Но раненым надо было еще доползти до траншеи и дожить до тылового лазарета.

Пятнадцать минут назад по команде ротного они поднялись, молча, без единого выстрела и окрика, пересекли неглубокую лощинку, поросшую реденьким цепким ивняком, и бегом ринулись на высоту. Без артподготовки. Без всякой огневой поддержки. Расчет – на внезапность. «Ребята! Возьмем их, в гробину, тепленькими!» – хрипато, страдая то ли запоем, то ли простудой, крикнул им перед боем ротный.

Взяли...

Бежать пришлось вверх по ровному пологому склону. Саперы и разведчики, ползавшие по этому склону несколько ночей подряд, прозвали его «тягуном». Кустарник и редкие худосочные березки, нехотя росшие на «тягуне», немцы предусмотрительно вырубили. Из низкорослой полыни и лишайника торчали лишь косые белые пеньки. До гребня горы оставалось еще метров шестьсот, когда атаку обнаружили. А может, просто выжидали, когда рота поднимется повыше, подальше отбежит от своих окопов. Почти одновременно с флангов и в лоб ударили четыре пулемета, а за высотой возле деревни Рубеженки взвыли «скрипачи», и через мгновение с десятков огненных шаров, завершив свою правильную траекторию, с тяжелым металлическим грохотом легли по всему «тягуну», рванули дремавшую землю, накрыли цепи наступающих. Пыль и едкий смрад окутали склон. Кто-то глухо, будто из-под земли, упорно звал:

– Кто живой?! Кто живой, братцы?! Есть кто живой?!

И этот одинокий голос, упорно, на одной ноте, окликавший живых, слышали живые. Взводные начали тормозить своих людей, еще надеясь на то, что атаку можно спасти, что до немецкой траншеи осталось всего ничего.

Где там... Рота залегла. Теперь взводным легче было поднять мертвых.

Ратников столкнул на затылок каску и огляделся. Какая-то мутная вуаль с желтоватыми закраинами, которые продолжали плавиться и колыхаться, стояла в глазах. То ли глаза запошило, то ли контузило. Впереди уже развиднело, копоть осела, черными хлопьями колыхалась на будылях обгорелой полыни. Еще минуту назад на веточках полыни висела роса. Зону минометного обстрела можно было благополучно миновать, сделав бросок вперед, туда, вверх по «тягуну», к первой немецкой траншее, до нее оставалось метров сто – сто двадцать. Но там гремели пулеметы. Окапываться на «тягуне» бессмысленно. Еще один такой залп, и остатки роты немцы соберут в толпу и поведут в плен. Такое Ратников уже наблюдал. Подгонят бронетранспортер и начнут собирать по одному. Винтовки – под гусеницы. Они знают, что никаких противотанковых средств у нас нет. Что же делать? Голос впереди, за отвалом воронки, из которой еще вытягивало химическую вонь взрывчатки, по-прежнему звал:

– Кто живой?! Остался хоть кто, братцы?!

Кругом уже закопошились, но голос все звал. Ратников знал, что такое бывает при тяжелом ранении. Значит, скоро затихнет...

Молоденький младший лейтенант из недавнего пополнения, командир первого взвода, гремя мокрыми от росы полами новенькой шинели, перебегал от бойца к бойцу, размахивал измазанным в глине «ТТ», казавшимся необыкновенно большим и тяжелым в его узкой смуглой руке, и неумело матерился. Он подбегал к очередному штрафнику, рвал того за ворот шинели, опрокидывал на спину, тыкал стволом «ТТ» в живот и кричал:

– Вы же не ранены, товарищ боец! Почему залегли? Вперед! Трусые! Предатели! Вперед, в гроб вашу!..

Подражал он, конечно же, ротному. Где он, ротный? Что-то его не слышать...

Подбежал взводный и к Ратникову и, тяжело дыша и сплевывая тягучую, длинную, как паутина, слюну, взхлеб закричал:

– Вы что, лейтенант! Не слышали команды? Вперед!

Ратников в штрафной числился старожилом. Когда основную массу переменного состава привели в казарму, он уже в ней жил. Его знали во всех взводах, делились табачком и звали уважительно – «лейтенантом». Большинство, конечно же, предполагали, что это такая кличка. Первую атаку Ратников пережил километрах в тридцати отсюда, под Дегиревом. Потом рота брала большое село Закрутое и сразу же две деревни – Воронцово и Полянку. Там остался почти весь первый состав роты. Раненых было мало. После были Козловка, река Снопоть. Там тоже потеряли многих. Но там рота атаковала при поддержке танков. «Тридцатьчетверки» и английские ленд-лизские «валентайны» тоже горели, как снопы, но полк, имея ударную штурмовую группу штрафников, продвигался вперед все же несравнимо быстрее.

А тут выгнали в поле без всякого прикрытия и усиления. Хоть бы минометами поддержали. Танки выбили в предыдущих боях, и механизированная бригада была выведена на доукомплектование и ремонт. Что ни говори, а с танками атаковать было куда легче.

Что это? Почему их бросили без огневого прикрытия? Разведка боем? Какая же это разведка боем? Немцы управятся с ротой одними пулеметами. И незачем им раскрывать основную систему огня. Что могут сделать полторы сотни человек, вооруженных одними винтовками, против пулеметов? В чем смысл? Ратников протер глаза, пытаясь избавиться от желтовато-бурой вуали. Но ничего не получалось. Она к тому же имела еще и запах – жженой резины или промасленного тряпья. Такой запах исходит от обгорелых танкистов, которых после боя стаскивали с остывшей брони и хоронили где-нибудь поблизости, чтобы не запахла на жаре.

Нет, эта атака, конечно, что-то все же означала. Правда, им, еще живым, залегшим на середине «тягуна», на самой ладони этого проклятого подъема, было теперь не до поисков причин, по которым они здесь оказались. Выбираться... Надо выбираться... Выбираться – это инстинкт. Инстинкт самосохранения. Сколько раз и в бою, и ближнем тылу он спасал Ратникова от верной гибели! Вот и теперь... Проклятая пелена... Неужели все же контузия?

Он огляделся. Рыжие кули шинелей кое-где шевелились, кашляли и матерились.

– А ты что, до сих пор не понял, куда попал? – нарочно грубо ответил взводному Ратников и, перекинувшись на спину, стал выставлять прицел на винтовке.

– А что? – недоуменно спросил взводный.

Вот теперь с ним можно разговаривать, понял Ратников, и на какое-то мгновение ему стало жаль этого младшого. Попал, чудак, на тройной оклад... Сидел бы сейчас в обороне и консервы рыбные из допайка, сардины в масле, трескал и на санинструкторшу поглядывал. Но взводный больше раздражал.

– А то. Лежи и не дергайся пока. Пару минут можно еще подумать, что предпринять в нашем дерьмовом положении.

– Надо выполнять приказ! Какое еще положение? Вам был зачитан приказ! Почему вы его не выполняете?

– А вам, товарищ младший лейтенант? – снова перешел он на «вы», испытывая к этому чудаку в новенькой шинели нечто вроде сочувствия. – Вот вставайте и – вперед! Покажите пример офицерской храбрости!

И зачем он это сказал? Сейчас этот дурачок встанет и получит пулю...

Но взводный не встал. Он ударил рукояткой своего «ТТ» в землю и стиснул зубы:

– Приказ!.. Всем – выполнять приказ!

– Ну-ну... Треть роты уже выполнила приказ. Вон они, лежат. И половина твоего взвода назад уже не побежит. Не струсит. И тебе перед ротным за них стыдно не будет.

– Наша задача, лейтенант, взять первую траншею! И мы должны свою задачу выполнить любой ценой. За нами поднимется батальон! Полк! Успех наступления на этом участке фронта зависит от нашей атаки! Как вы не понимаете?

– А чем думали, когда планировали атаку без огневой поддержки? Да они там ждут, когда мы в очередной раз поднимемся, чтобы добить последних! – И Ратников кивнул в сторону гребня горы.

– Что ж теперь будет? А, лейтенант? Придется перегруппировываться и – снова... – И взводный попытался приподняться на локтях, чтобы увидеть свой взвод, но веер разноцветных пунктиров пронесся над их головами, заставив обоих плотнее прижаться к земле.

– Не гадай. Давай переживем самое хреновое – выберемся отсюда. Какие у тебя мысли? Никаких. Понятно. Тогда слушай меня внимательно. Сейчас они пойдут в контратаку. Надо подготовиться. Подготовить людей. Если отобьемся, то, может, и поживем еще. Повоюем.

Ратников выставил прицел, дослал патрон и, тщательно целясь, выстрелил. Еще раз. И еще. Но пулемет, по которому он вел огонь, не умолкал.

– Ты, Субботин, у ротного воевать не учись, – снова заговорил Ратников, заряжая новую обойму.

В любой момент можно было ждать, что немецкий пулеметчик, обнаружив его одиночный огонь, возьмет немного ниже.

Но в это время внизу, в березняке, короткими очередями, с паузами, достаточными для того, чтобы вести огонь прицельно, а не наобум, заработал пулемет ротного.

– Легко на помине. Так что назад нам пути нет. – И Ратников расстегнул засаленный и порядком подранный на локтях ватник; в распахе блеснул новенький ремень офицерской портупей и край погона. – Кто дальше всех драпанул, тому уже не повезло...

В солдатское Ратникова переодеть не успели. Погоны с него сорвали в штабе дивизии, еще до суда. В тот же день состоялось короткое, как нелепый сон, заседание военного трибунала. После под конвоем вместе с бойцом Олейниковым и двумя сержантами из первого батальона их отвели в лесок, где в старом бараке или конюшне размещалась штрафная рота. Роту только формировали. Ратникова по закону должны были разжаловать и направить в офицерский штрафбат. Но, видимо, кто-то его судьбу решал по-своему. Трибунал его почему-то даже не разжаловал в рядовые. Неужели заступился командир полка?

Несколько раз подполковник Салов предлагал ему перейти в штаб полка, в разведотдел. Но сперва Ратников не согласился, жалко было расставаться со своим взводом, а потом началось наступление, и подполковнику Салову стало не до него.

Барак был обнесен колючей проволокой в два кола. Рамы из окон вынуты, проемы забраны железными прутьями в палец толщиной. Похоже, эта казарма досталась дивизии от немцев. У ворот лежал скрученный проволокой тюк рванья, среди которого угадывались красноармейские петлицы старого образца. Там же, у ворот, дежурил караул – трое солдат комендантского взвода с автоматами и немецким трофейным ручным пулеметом «МГ-34». Пулеметчика Олейникова, который, попав в штрафную, тут же снова воспрянул духом («Ну, товарищ лейтенант, живем! А я думал, теперь нам одна дорога – к яме»), – так вот Олейникова, вечно голодного, изнывавшего в бараке от скуки, особенно злил караул с трофейным «МГ». И однажды, возвращаясь из нужника, устроенного в углу обнесенной колючкой зоны, он подошел к воротам, ухмыльнулся, подмигнул охраннику, кивнул на стоявший стволом в сторону барака «машинненгевер» с заправленной лентой:

– Хороший трофей. За самогон выменяли? Или как?

Охранник вскинул автомат, потрянул им для острастки и зло выругался. Олейников также зло усмехнулся в ответ, сплюнул под ноги, постоял еще немного и, пружинисто покачиваясь и насвистывая мелодийку «Мне бесконечно жаль...», пошел к бараку. В другой бы раз ему этого не простили. Но со дня на день ждали пополнения штрафной роты переменным составом, что означало одно: не сегодня завтра в бой. Так что все, сидевшие за проволокой, скоро свое получают.

Погоны Ратникову принес старшина Хомич, пожилой дядька из-под Чернигова, бывший колхозный конюх. С Хомичем в одной роте они воевали с самой зимы. Хомич пришел совершенно неожиданно, договорился с охраной, сунув им какой-то масляный сверток и булькающую фляжку. Часовой не посмел даже копаться в вещмешке. Принес в барак, выкрикнул:

– Лейтенант Ратников!

Ратников вышел к дверному проему, в котором стоял часовой. Тот кинул вещмешок под ноги и сказал:

– Тебе – от старшины.

Заботливый и предусмотрительный Хомич тем временем стоял за колючкой и наблюдал, дойдет ли его посылка до адресата. Ратников махнул ему рукой, давая понять, что у них с Олейниковым все в порядке.

В порядке...

Продукты Ратников тут же поделил среди товарищей, которых подобрала ему фронтальная судьба, а белье завернул в газету и сунул на самое дно «сидора». Вот теперь и солдатский «сидор» поношу, горько усмехнулся он своей нежданно-негаданной доле. Вещмешок хитрый Хомич подобрал ему старенький, но постиранный и аккуратно, видать, его же заботливой рукой и заштопанный, незавидный, чтобы не привлекал внимания постороннего глаза, жадного до чужого.

– Эх, товарищ лейтенант, товарищ лейтенант! – сокрушался Олейников, когда консервы и хлеб из гостинцев Хомича были уже съедены. – Старшина-то наш все-таки жмот. Ведь если разобраться, из нашей роты никто сейчас так не бедствует, как мы. Любой из взвода мог ока-

заться на нашем месте. Тут уж так... На кого выпало... Выпало на наш взвод. Чуть что, какая заминка – второй взвод вперед! Будто в роте больше воевать некому. А нам с вами, товарищ лейтенант, выпало еще и живыми остаться. Я к чему всю эту панихиду... Вот бы и проявил старшина сострадание, поставил бы нас на особое довольствие хотя бы на одни сутки. Я ему сегодня: а что же вы, товарищ старшина, и мне посылочку не собрали? Или, говорю, уже навсегда с ротного довольствия сняли? Напрасно, говорю. Ведь я, пулеметчик Олейников, имеющий два ранения и боевую награду, не пропаду и в штрафной. И в свою родную роту еще вернусь. А он мне, знаете что, дура такая, сказал? Он мне: э-эх, говорит, Олейников, Олейников, сколько, мол, ребят хороших в Урядникове полегло, а ты вон живой ходишь, нисколько, мол, при этом не пораненный и даже похваляешься... Ну к чему он это мне сказал? Невежественный человек, наш старшина. Деревенщина. Никакой деликатности и уважения по отношению к подчиненным. Черниговский конюх! В колхозе, должно быть, оглобли тесал. И вот, пожалуйста, отпечаток профессии... Родимое пятно грубого ремесла.

– И что? Подействовало? – Ратников расправлял скрученные лямки вещмешка.

– А как же. Вода камень точит. Проточил и я нашего Хомича. Тушеночки он нам обещался подбросить в самое ближайшее время. – Олейников снова замурлыкал свою любимую песню. Потом задумался. И сказал уже другим тоном: – Посматривай, говорит, за лейтенантом. Штрафных, мол, убивают много. А вы, сказал, один другого держитесь, раз вместе попали. Может, выживете и на этот раз. Бог к вам милостив, если даже из Урядникова вывел невинными. Так и сказал. А что, тут он, пожалуй, прав.

Через неделю, меняя портянки, Ратников обнаружил в аккуратно сложенной стопке неразрезанной фланели свои новенькие погоны, которые берег с самого училища и хранил в обозе старшины среди личных вещей. Подержал их, погрел в ладонях холодные звездочки да тут же и пристегнул к пропотелой гимнастерке. Гимнастерку давно надо было постирать, да все не выпадало случая.

«Максим» дал еще одну очередь, подлиннее, и смолк. Почерк ротного. Меняет ленту.

За гребнем высоты в сером, грязноватом тумане снова взвыло, и через короткое мгновение серия красных шаров с тяжелым клекотом пронеслась над ротой и легла в березнячке перед позициями третьего батальона. Видимо, последнюю очередь ротный дал по немецкой траншее, и вот ему оттуда прилетел ответ. Корректировщик сидел где-то там, совсем близко и хорошо видел все: и траншею в березнячке, и залегшую на «тягуне» штрафную роту, и пулемет ротного.

Как только осела пыль от тяжелых мин «скрипача», оттуда же, со стороны Рубеженки, прилетела серия снарядов. Огонь вела батарея полевых гаубиц. Калибр тяжелый, 150-мм, не меньше. Корректировщик работал хорошо. Снаряды начали методично расклеивать склон, на котором залегла рота. Земля содрогалась. Бойцов осыпало сырыми дымящимися комьями и осколками.

– Сейчас еще подкинут и пойдут, – сказал Ратников и ловким, еще в училище до автоматизма отработанным движением загнал в магазин новую обойму.

Остановленные прицельными очередями знакомого «максима», штрафники начали приходить в себя. Залегли, кое-как окопались и, слыша стрельбу лейтенанта и еще троих-четверых бойцов, залегших рядом, начали стрелять и другие. Некоторые стреляли от безысходности и отчаяния, чтобы ужас, казалось, неминуемой гибели окончательно не овладел ими, другие вели огонь сосредоточенно – по пулеметным точкам. Тут и там резко били мосинские винтовки, и с каждой минутой стрельба становилась все гуще и уверенней.

«Жива рота, жива», – подумал с удовлетворением Ратников и нажал на спусковую скобу. Ему тоже было страшно. Но страх всегда уходил, когда он начинал действовать. После выстрела он почувствовал, что пуля ушла правее и выше цели. Пулемет по-прежнему работал длинными очередями. Ратников чертыхнулся – винтовка ему досталась из арсенала трофейной команды.

Подобрали ее, видимо, где-нибудь на таком же склоне среди убитых. Приноровиться к ее бою было невозможно.

Снова за высотой взвыли «скрипачи». Теперь огненные шары опустились значительно ближе, часть из них разорвались на «тягуне».

– Что будем делать, лейтенант? – закричал боец, лежавший рядом.

Только теперь Ратников понял, что это Олейников. Олейников откинулся на спину и торопливо докуривал самокрутку. Рядом лежала винтовка с открытым затвором и пустым магазином.

Ратников посмотрел на него, на взводного, на гребень высоты, где отчетливо чернела кайма бруствера немецкой траншеи. Отрыли, видать, ночью, даже замаскировать не успели.

Взводный отвернулся. Он тоже всматривался в немецкую сторону, видимо, прикидывая, откуда начнется контратака. Он вдруг понял, что боец, лежавший рядом, окликнул не его, своего взводного, а вот этого штрафника с лейтенантскими погонами и офицерской портупеей под ватником. Значит, ему, молодому и зеленому, эти люди не доверяют.

– Слышь, лейтенант, – захрипел опять боец. – Надо рвать когти, пока не поздно. А то придет Хомич на свиданку, принесет тушенку, а нам уже ничего и не надо...

– Ты что же, думаешь, у Соцкого патроны кончились?

Затихло. И ветер, словно и он был участником всего того, что задумал противник, торопливо стаскивал дым и пыль вниз, к березняку. Пространство вверху сразу словно раздвинулось вширь, и там показались человеческие фигурки, маленькие, как оловянные солдатики.

– Вот и они... – И Ратников толкнул в бок младшего лейтенанта. – Слушай, Субботин, внимательно. Если мы сейчас не поднимем людей, нам крышка.

Олейников зло засмеялся:

– Вот сейчас и посмотрим, чья утка громче крикнет.

– Давай, Субботин, дуй на левый фланг. А я тут людей подниму. – И Ратников подтянул к щеке подранный приклад винтовки, задержал дыхание и выстрелил.

Взводный побледнел, оглянулся назад, на березняк. Ратников знал, о чем он сейчас думает.

– А ну, давай быстро! – крикнул Ратников, не отрывая глаз от оловянных солдатиков, выстроившихся в цепь по гребню высоты.

Олейников завозился, сказал:

– Утка крикнула, берега звякнули. У меня сейчас все мысли только об одном – сколько банок тушенки Хомич принесет в этот раз.

Субботин осмотрел свой пистолет и сказал:

– Вы хотите командовать моим взводом?

В это время заработал пулемет ротного. Очереди подняли пыль позади, почти в ногах залегших. Ротный предупреждал.

Командир штрафной роты старший лейтенант Соцкий, человек уже пожилой, бывший тюремный надзиратель, внешне напоминавший или председателя отстающего колхоза, или пьющего бухгалтера, вечно раздраженный и расхристаный, утром перед атакой подвел их к свежей траншее, из которой по ходу сообщения уже начали уходить в тыл остатки гвардейской роты, указал на стоявший на дне пулеметного окопа «максим» и сказал:

– Ребятки, атаку начинать тихо. На высоту – бегом. Раньше противника огня не открывать. Там, на высоте, ваши трофеи. Я всегда буду с вами. Вот он подтвердит.

Лента в «максим» была уже заправлена.

Взводные начали разводить людей по траншее. Штрафники проходили мимо пулеметного окопа. Соцкий сидел на гранатном ящике, курил «Герцеговину флор» и говорил, глядя на согнутые спины своих «ребяток»:

– Идите, ребятки, идите. У меня лучшая рота в полку. Только вперед!

Роту действительно так и называли «Только вперед». Никто не знал ее номера. Даже взводный.

Следующий трассер ушел поверх голов и уперся в гребень высоты. Оловянные солдатики даже не пошатнулись.

– Тогда я сам пойду в третий взвод, – сказал Ратников.

Он вдруг понял, что младший лейтенант Субботин просто боится. Если на него сейчас закричать, он вовсе сникнет.

Еще когда бежали по «тягуну» вверх и из немецкой траншеи пошли первые трассы, с левого фланга донеслось: «Лейтенанта убило!» Так что там поднимать штрафников было некому.

Младший лейтенант Субботин вскочил и, громко хлопая мокрыми полами шинели, побежал вдоль цепи. Он бежал и время от времени приседал, но тут же снова вскакивал и бежал дальше, что-то кричал, размахивая над головой испачканным в глине «ТТ».

Оружие им выдали в лесу перед тем, как подвести сюда. Старенькие винтовки, собранные, видимо, после боев. По горсти патронов и по три гранаты «Ф-1».

– А «фенек» могли бы и побольше дать, – сетовали бывалые бойцы, не раз уже побывавшие в наступлении и знавшие цену «карманной артиллерии».

Ратников рассовал свои по карманам. Трогая их холодные квадратные ребра, подумал: «Если доберемся до немецкой траншеи, если добежим...»

Немецкая цепь быстро скатывалась по склону высоты.

Тяжелые мины «скрипачей» рвались уже далеко позади, в конце березняка, в тылу третьего батальона.

Ратников внимательно следил за перебежками и приседаниями взводного. Смешной парень. Боится. Хотя и не трус. Хоть бы добежал... Если добежит, левый фланг он поднимет.

Старший лейтенант Соцкий тоже, видимо, наблюдал за происходящим на нейтральной полосе. Пулемет его почти не умолкал. Короткими очередями ротный прицельно обстреливал фланги контратакующих. Только вперед, ребята! Только вперед!

Ратников увидел, как левее по фронту, как раз напротив третьего взвода, споткнулись сразу двое. Ротный стрелял хорошо. А когда «принимал для храбрости», эта работа получалась у него еще лучше. Тут же послышались крики, и, закинув за спину короткие автоматы, к упавшим подбежали шедшие рядом. Цепь сомкнулась, будто и не было никакой потери. Раненых санитары сразу потащили назад, на высоту, к траншее.

Ратников невольно окинул взглядом склон левее, где, там и тут, словно брошенные и забытые снопы прошлогодней льняной соломы, серели холмики убитых штрафников. Совсем рядом, позади, кто-то стонал. Стонал протяжно, со всхлипом и клетотом, будто у него была перерублена глотка. Оглядываться на стонавшего Ратников не хотел. Где наши санитары, черт бы их побрал?

– Все верно, лейтенант, – откашливаясь, крикнул Олейников; он уже лежал на животе, тщательно прицеливался и стрелял по наступающей цепи. – Все нам с тобой – по полной программе. Как всегда. И кто из нас двоих такой магнит? Все несчастья притягивает! А Хомича мы, точно, уже не дождемся. Так что остается одно...

Выстрелы винтовки Олейникова прокатывались рядом с Ратниковым тугими пружинами. Звук лопался в ушах лейтенанта и отдавался мучительной болью.

– Одно нам остается, лейтенант. Сходить за тушеночкой туда, на высоту! – Олейников на мгновение замолчал, выпустил из своей винтовки очередную стальную пружину, лопнувшую в ушах Ратникова нестерпимой болью, и тут же выругался: – Ну что за хреновня! Вторую обойму жгу, а ни разу еще не попал! Прицел, что ли, сбит?

Винтовки на этот раз им дали непристрелянные. Ратников это понял сразу, после первых же выстрелов. Пули улетали черт знает куда. А те, кого они так тщательно, не дыша, выцеливали, невредимыми шли и шли на них.

Ратников подтянул колени к животу, поймал ладонью плоскость земли и закричал:

– Олейников! Передай по цепи! Приготовиться к атаке! Примкнуть штыки!

– Ты что, лейтенант! Они ж не поднимутся!

– Подниматься всем! В том числе легкораненым! Кто не поднимется, заколю! Передать по цепи!

Ратников знал, что его команду уже услышали лежавшие неподалеку штрафники. «Ничего, поднимутся», – подумал он и оглянулся, потому что хрипы позади вдруг прекратились. Рядом с убитым штрафником лежал его товарищ. Ратников увидел, как тот потянулся к его лицу, видимо закрыть глаза. Потом штрафник отдернул руку и посмотрел на Ратникова. В его глазах был страх и надежда. Ратников знал, как страшно солдату в бою остаться без товарища, без командира. Почувствовал, как ясно работает мысль, как быстро приходят решения и как они верны, по той простой причине, что сомневаться в них попросту нет времени.

«Поднимутся, – еще раз подбодрил он себя. – Жить хочется всем».

Он отстрелял обойму, перезарядил винтовку и проверил, крепко ли сидит на стволе штык.

Субботин тем временем добежал до левого фланга. Несколько раз он падал. И Ратников с замиранием сердца ждал: встанет ли? В руках у взводного была винтовка. Видимо, взял у того, кому она была уже не нужна. «А взводный ничего себе», – подумал Ратников, и у него появилась уверенность в том, что атака действительно получится.

Немецкая цепь приблизилась к залегшим штрафникам шагов на тридцать-сорок. Ждать было уже нельзя. Ратников вскочил на колени. Оглянулся. На левом фланге уже стоял во весь рост Субботин. Ратников сразу узнал его. Издали он казался еще выше ростом и стройней. Таким младшего лейтенанта делала его шинель, перехлестнутая ремнями. Видимо, и теперь, встав, он одернул складки и поправил полы.

– Что, лейтенант, – услышал он за спиной чей-то незнакомый голос, – сходим в чужую деревню за Меланью посватаемся!

– Сходим... Влезли по пояс, пошли теперь и по горло, – зло отозвался ему другой.

– Встаем, ребята! Вон, лейтенант уже со штыком!

Ратников увидел, как Субботин перехватил винтовку в обе руки.

Почти одновременно они закричали чужими ребячьими голосами:

– Рот-та! В штыки-и!

– За мно-о-о!..

Штрафники, видимо, поняли всю безысходность своего положения и, кто зло матерясь, кто отчаянно вопя что-то бессвязное, а кто шепча слова последней молитвы или просто молча, стиснув зубы, стали подниматься. Сбрасывая на бегу шинели и телогрейки и занимая место в цепи, каждый свое, они быстро подровняли и уплотнили шеренгу и ринулись вверх по «тягуну».

Ратников тоже сбросил телогрейку, и бежать сразу стало легко и свободно. Теперь он летел вперед, как на крыльях. Даже в детстве он не владел своим телом так, как теперь. Он разгонял свой бег все быстрее и быстрее. Те, кто оказался рядом, не отставали. Им казалось, что рядом с таким бесстрашным командиром даже там, куда они бежали, с ними ничего не случится. И каждый из них сейчас чувствовал, как из него уходит человек, давая место кому-то другому...

Вот он, мой, определил Ратников своего в чужой цепи, набегающей на них сверху. Тот, видимо, тоже увидел в Ратникове своего и смело пер навстречу. Мысль о том, что его, Ратни-

кова, тоже выбрали в противники и, возможно, в жертву, не испугала и даже не смутила. Эта мысль сейчас казалась почти посторонней. Испугать она могла человека.

Бить надо в живот. Больше надежды, что не промахнешься. Хотя удар в живот не смертельный.

Над плечами немца виднелся высокий ранец с рыжим лохматым верхом, и от этого он казался выше ростом и мощнее. Каска надвинута глубоко, белки глаз сияют, словно из темноты. Серо-зеленая шинель расстегнута, и полы, темные от росы, развевались широко и размашисто. Все в нем было крепко и несокрушимо-основательно. Немец несся на него, как противотанковая болванка. И все же в какое-то мгновение Ратников, внимательно следивший за движениями противника, почувствовал в нем нечто, похожее на нерешительность. Тот словно бы замедлил шаг и метнул взглядом в сторону. Белки глаз на мгновение исчезли.

«Ростом-то он повыше меня и в плечах пошире, – примеряясь к противнику, лихорадочно подумал Ратников, – а меня все же боится. Должно быть, не меня, не меня он боится, моей винтовки – длинная».

Те, для кого рукопашная была уже не первым поцелуем в жизни, знали хорошо, что в сшибке, в первые мгновения, когда еще существует хоть какая-то дистанция, длинная «мосинская» винтовка – явное преимущество. Которое, впрочем, быстро исчезает.

Еще два шага... Еще шаг... Немец выдернул из автомата пустой магазин. «Когда-то успел расстрелять целый магазин, – подумал Ратников. – Новый заряжать ему уже поздно...» Ловким заученным движением немец перехватил автомат за ствол. Сразу стало понятно, как он собирается бить.

Еще шаг...

Ратников качнул винтовкой. Немец тут же поднял автомат выше, словно отбивая удар.

Еще шаг... Все. Пора. Ратников нагнул вперед голову и, перенеся всю тяжесть тела и силу мышц в плечи и ощущая при этом необыкновенную, звериную ловкость, сделал короткий выпад, правильный и точный, как когда-то в пехотном училище на плацу в соломенное чучело. Штык вошел неожиданно легко, намного легче, чем в солому, и вначале Ратников подумал, что промахнулся, что штык прошел выше и правее, под мышку, и задел только ранец, потому что ранец высоко подпрыгнул и Ратников почувствовал его кончиком штыка. Но увидел, как из уголка распахнутого в крике рта его врага скользнула, расползлась по подбородку розовая пена. Немец уронил автомат, какое-то время крепко, обеими руками, удерживал цевье винтовки, а потом стал медленно заваливаться вперед. Ратников отступил, дал ему дорогу, но прежде с силой выдернул штык. Немец, хрипя, пронесся мимо.

Сбоку что-то блеснуло. Еще один выстрел. Обдало порохом. Немец выхватил лопату и замахнулся. Но его вовремя перенял Олейников. Ударил сзади прикладом в спину, сбил с ног, навалился, рыча, ухватил за прыгающее, еще живое горло и стал душить судорожными мощными рывками.

Схватка длилась минут пять-семь. А Ратникову казалось, что этот ужас длится уже целую вечность, что конца этому не будет, что все они, сгрудившиеся в этой дикой схватке, обречены смерти, что уцелеть здесь не сможет никто. Никто и не пытался уцелеть. И та, и другая сторона напирала. И гранадеры, и штрафники, и немцы, и русские, схватившись в этом поединке, не могли уступить. Найдя очередного противника, они дробили головы прикладами «мосинских» винтовок и металлическими рукоятками автоматов, рубили ключицы и лбы саперными лопатками, рвали друг друга зубами, кололи четырехгранными штыками и плоскими длинными кинжалами – в грудь, в живот, в горло; потеряв оружие, убивали один другого касками, нанося удары с такой силой и яростью, что стальные шлемы лопались и разлетались, как яичная скорлупа, и, обливаясь своей и чужой кровью, кидались выручать товарищей.

Так схватка перерастала в сражение. И тем, кто в нем участвовал, казалось, что они уже погибли, умерли от пули или штыка врага, так же, как и их несчастные товарищи, лежащие там

и тут, ничком или раскинув руки, словно в полете, который теперь уже никогда не кончится, что все происходящее уже не принесет им ни боли, ни страданий, потому что битва длится уже на небесах...

Глава вторая

Потом, лежа в одном из захваченных окопов боевого охранения немцев, Ратников вдруг вспомнил рукопашную в Козловке. Там было легче. Там артиллеристы сделали хорошую подготовку, и они сразу ворвались в траншею. Кинулись на головы, когда немцы еще как следует не опомнились, изрубили саперными лопатками пулеметные расчеты, которые первыми кинулись к оружию. Отбили часть траншеи, а потом хлынули в обе стороны, забрасывая блиндажи и ответвления гранатами. Раненых – штыками. Привыкшие к вялым атакам обескровленного батальона, немцы не ждали встречи со штрафниками.

Сколько отсюда до Козловки? Должно быть, немного, километров десять-двенадцать. А может, и меньше. Там, позади, за лесом. А до Козловки было Половитное. До Половитного – Закрутое и Воронцово. Закрутое, Воронцово... Там бились почти сутки. Полег почти весь первый состав. Но и до Закрутого тоже был бой.

– Черт бы все побрал! – выругался он в сердцах, потому что молчать становилось невыносимо.

– Вы о чем, товарищ лейтенант?

– Да так. Погон где-то потерял.

– Погон... Погон – это не голова. Там, внизу, на нейтралке, твой погон. Еще бы чуть-чуть, и – по шее... Лопаточка у него востренькая. Специально, видать, точил фриц. Для твоей шеи, лейтенант. – Олейников хрипло засмеялся. – Вон, гляди, даже сукно чуток подпортил.

– Жалко, погоны совсем новые. Плохая примета...

Олейников хакнул и ничего не сказал, видимо, давая понять, что погон – это все ерунда.

Окоп, в котором они оказались, был просторным, отрытым, видимо, на двоих-троих. В углу на утоптанной соломе валялись стреляные автоматные гильзы. Поодаль белела какая-то промасленная обертка, то ли от маргарина, то ли от индивидуального медицинского пакета.

Олейников привстал, выглянул, покрутил головой.

– Не лезь. Давай хоть минут десять дух переведем. Они сейчас тоже... Не сунутся. – И Ратников ухватил бойца за мотавшуюся обмотку, дернул на себя. – Сопли подбери.

Олейников ничего не сказал, но хакнул недовольно, как если бы у него отняли что-нибудь из съестного.

Олейников заправил конец обмотки и снова взялся за лопатку. Лопатка в его руках была не своя – немецкая.

– Бруствер на ту сторону перекидаю. Сейчас очухаются и полезут.

– У тебя патроны есть?

– Есть.

– Сколько?

– Одна обойма. И две гранаты.

Ратников болезненно поморщился и сказал:

– Две гранаты – это хорошо. Я свои в телогрейке оставил.

– Ну вот, товарищ лейтенант! Сам-то тоже оплошал! А все, бывало, на нас бранился, что перед наступлением свои гранаты в окопах оставляем!

– Разве не так?

– Да так-то оно так. По первости, правду сказать, я и сам гранат побаивался. Рванет, думаю, в кармане или за пазухой, собирай тогда орехи по полю... Ну их к черту, думаю. Раза два и я в нише прикапывал.

– Мои в карманах остались. Без гранат нам тут хреново будет воевать. Да и патронов у меня тоже... – Ратников кивнул на винтовку, стоявшую в углу окопа. – Последнюю обойму зарядил. Да и та уже не полная.

– А вон, товарищ лейтенант, ихние «толкушки» лежат. Гляди, тут ими вся ниша забита. Целый арсенал! Три, четыре, пять... Хоть бы банку консервов оставили. Ни крошечки пожрать...

– Тише! – вдруг прервал его Ратников. – Зашуршали... А ну-ка, посмотри, что там? Только резко не высовывайся.

– Да тихо все, товарищ лейтенант. – Олейников снова снял каску с потным засаленным подшлемником, бросил ее на затоптанную солому и устало опустился на дно окопа. – Тихо там все. Они такой контратаки не ожидали. Теперь, видать, чешутся, решают, что с нами делать. Нагнали мы им страху своей штыковой. Даже пулеметы помалкивают. На запасные перетаскивают.

– А куда стрелять? Боятся своих накрыть.

– И «скрипачи» молчат.

– Тишина... Что в ней хорошего, в такой тишине? Ошибку мы сделали вот какую: не прихватили ни одного автомата.

Ратников подобрал каску Олейникова, надел ее, пониже надвинул на глаза и осторожно высунулся из окопа. С минуту он наблюдал за гребнем высоты.

Теперь она была совсем рядом.

Там все было тихо. Ни шума, ни движения. «А может, – подумал он, – они покинули первую траншею? Побоялись новой атаки и ушли выше, во вторую? И пулеметы туда перетаскивали. Соцкий, когда ставил задачу, говорил, что там у них три линии в полный профиль».

– Чует мое сердце, что-то тут не то. А может, они ушли? А, товарищ лейтенант?

Удивительно. Олейников думал о том же.

– Снялись по-тихому и ушли, пока нас эти тут по «тягуну» гоняли. Ведь может такое быть?

Может ли быть такое? Может ли такое быть... Ратников тоже хотел бы знать, может ли такое быть, что немцы отступили. Ушли на запасные позиции. Впереди ни стуку ни гроку... Высота будто вымерла. Ничего, кроме ветра в траве, Ратников так и не услышал.

– Что им держаться за этот проклятый бугор? – продолжал себя убеждать Олейников в том, что бой окончен, что они выжили и на этот раз. – Они ж тоже понимают, что не сегодня завтра в наступление пойдет вся наша дивизия, и им тут не удержаться. А за Десной они, видать, себе нор понарыли. Что им тут сторожить?

– Черта с два они просто так уступят такую позицию. Еще подержат нас тут, еще подождут, когда мы вот так же, без усиления, под пулеметы... С высоты уже видна Десна. Хорошо простреливается берег. На много километров. И вправо, и влево. Им эта горочка очень даже нужна.

– А нам она тоже нужна? – хакнул Олейников.

– И нам нужна. Раз начальство приказывает, значит, нужна.

– Изучили они нашего брата, знают, что если воткнулись во что, то обходить не будем, напролом попрем.

– И попрем. Ты, Олейников, помнишь хоть один случай, чтобы мы их позицию, которую с первого захода не удалось взять, в тылу оставляли?

– Честно говоря, не припоминаю такого случая. – Но потом вдруг заговорил о другом: – И зачем, скажите, нам было брать ту распроклятую деревню? Как ее название... Урядниково, что ли? Ну да, Урядниково. Весь взвод положили перед этим Урядниковом. А ведь немец все равно оттуда бы ушел. Переночевали бы еще одну ночьку, а утром, пораньше, как они это

всегда любят делать, ушли бы дальше. Без боя. У них уже и машины были готовы, и тягачи заправлены. А мы им на вилы полезли...

– Ладно, стратег, не нам с тобой на эту тему рассуждать, – спохватился Ратников и осторожно, чтобы не демаскировать себя, повернул голову и посмотрел на бойца.

Ратникову было все же радостно, что он тут, в немецком окопе, сидел не один.

– Вы все свою политбеседу... Может, через минуту-другую убьют. Тогда уж точно не поговорим откровенно. Наш брат солдат хоть и помалкивает, а правду тоже видит. И в войне тоже кое-что смыслить научился. Иной раз... А вы, хоть и лейтенант, тоже из нашего котелка кашу едите, из солдатского. И в бою за нашими спинами не хоронитесь. Вон, каску сгоряча сбросили... А зачем? Каска, она солдату в бою какая-никакая, а все же оборона. От пули, конечно, не уберезет. А от осколка, глядишь, голову спасет.

– И к чему ты этот разговор затеял, не пойму. – Ратников посмотрел вдоль «тягуна» вниз – там тоже было тихо, только несколько бугорков продолжали безнадежно шевелиться. Те, кто мог, уже доползли до березняка, а эти... – Говоришь, немцы за Десну ушли, а у самого селезенка екает...

Ратников знал, откуда у человека порой появляется необыкновенная говорливость, откуда это «товарищ лейтенант» и всякие прибаутки. Олейникову было страшно.

– Селезенка у всякого екает. На то она и орган такой. А солдат на войне все же свое дело делает.

– Философ, елкина мать, – усмехнулся Ратников. – Ты лучше кумекай о том, как нам отсюда выбираться.

– Нет, думать – это по вашей части, товарищ лейтенант. Я тут при командире. Мое дело исполнять.

– Надо ж, не подумали, хотя бы один автомат...

– А может, это... товарищ лейтенант, пока танцев нет и гармонист гармошку ищет, к убитому сползаю? Когда мы бежали сюда, я заметил: один лежит совсем недалеко. При ранце. Может, хлебушка разживемся. Или даже сала. У них в ранцах всегда наше сало. Награбили, гады, в деревнях. Сейчас бы, товарищ лейтенант, хлебушка с салцем. Да кипяточку со зверобойчиком. А, товарищ лейтенант? Заодно и автомат прихвачу.

– Подожди. Давай отдышимся. Надо подумать. Понаблюдать.

Некоторое время они сидели на дне окопа и молчали. И вдруг Олейников откинулся к песчаной стенке, гладко подчищенной саперной лопаткой, и захохотал. Ратников даже испугался – так громко хохотал боец. А Олейников все хохотал, мотая большой потной, в грязных потеках головой. Потом так же неожиданно затих, поежился, как от холода, выругался и сказал:

– Это ж надо, какая невезуха!

– Ты чего, Олейников?

– Ты вспомни, лейтенант! Шесть атак! Ш-шесть ат-так!!! Две рукопашных! И – хоть бы одна царапина! Шесть... Если и сегодня живыми выберемся, завтра роту пополнят, отоспимся в своем бараке за колючкой, и Соцкий опять нас на убой погонит. Может, сюда же и бросят.

– А кому повезло? Кому ты завидуешь? Им, что ли? – И Ратников кивнул в сторону «тягуна».

– Да никому я не завидую. Якимова вспомнил. Помнишь, товарищ лейтенант, Якимова? Царствие ему небесное... Мы его хоть похоронили по-человечески. Нет счастья, а хоть это счастье, что похоронили.

– Вологодского, что ли?

– Точно, вологодского. Хотя он не из самой Вологды, а откуда-то из деревни, из-под Великого Устюга. Помнишь, как он красиво бкал. Хороший был парень. Шутник. И до передовой не дошел. А как мечтал! Все завидовал, чудак, что не его, а меня назначили первым номером. Переживал. Пулемет любил. На каждом привале готов был чистить да смазывать.

А то разбирать затвор задумает. Что ты, говорю, надумал разбирать, части еще какие растеряешь! А он портянку из «сидора» достанет, свежую, ненадеванную, и на ней затвор по частям раскладывает. Ну что ж, может, и повезло ему.

– Чем же? – Ратников спросил бойца не сразу. Послушал шорох ветра в траве над бруствером и повторил: – Чем же повезло Якимову, к примеру, больше, чем тебе?

Порой Олейников досаждал ему своими пустыми расспросами и рассуждениями. И тогда Ратников отсылал его с каким-нибудь срочным поручением в соседний взвод или к пулеметчикам, чтобы только не слушать и не вникать в его треп. Но иногда Олейников выхватывал из их общей памяти такую историю, что весь взвод сидел вокруг него как прикованный. Пулеметчик такие мгновения тоже ценил. Его тогда разбирало по-настоящему. Он размахивал руками, мотал своей огромной головой, вскакивал, бегал по полянке, припадал к земле, выкатывал глаза, изображая очередную свою историю в лицах. И делал это так ловко и настолько артистично, изображая порой кого-нибудь и из числа слушателей, что те вздрагивали, испытывая и неловкость и восхищение одновременно, и удовлетворенно покачивали головами: «Экий способный балабон у нас во взводе! И чего это такого в политинформаторы не берут?»

Это было до штрафной. Попав в штрафную, Олейников в первые дни немного сник. Но потом природный оптимизм взял свое. И вскоре возле нар бойца начали собираться штрафники, чтобы послушать очередной его «рöман». Всегда у Олейникова был табачок на завертку и сухарь в кармане.

– Помнишь, как мы Якимова хоронили? А, товарищ лейтенант? Всем взводом. Замполит пришел, слово сказал. Гроба, конечно, не нашлось, но в плащ-палатку тело завернули и в могилку опустили по-христиански. Помянули опять же. Старшина сверх пайки расстарался. Ротный повар теленочка гулящего в лесу поймал. Потом, после первого боя, помните, еще троих. После еще и еще. И – пошло-поехало... Но уже никого так, как Якимова, мы не хоронили. И мысли были уже другие, и переживания. Вот вы, взводный наш, помните хотя бы фамилии тех троих, которых убило в первый день, когда мы оборону заняли?

Ратников вздрогнул, настолько неожиданным был вопрос Олейникова, и сказал:

– Не помню. Кажется, Петров и Сидоренков.

– Правильно, Петров и Сидоренков. А кто третий?

– Третьего вспомнить не могу.

– Третьим был сержант Горячев.

– Да, точно, сержант Горячев. Как же я забыл сержанта? Командир второго отделения.

– Что ж, все верно, на войне надо поскорее забыть, что вчера пережить пришлось. А то сердце лопнет от переживаний. А Якимова помнить надо. Такая его доля. Нас остерегать.

– И не повоевал вологодский.

– Солдаты на войне – как порох. Пых – и нету! Как патроны в подсумке. Всегда нужны. И как дело пошло, кто ж их жалеть станет? Не в обиду вам, товарищ лейтенант, будь сказано. А только всегда так: до последнего патрона...

А ведь прав этот солдат, тысячу раз прав. Ничего не стоит на войне солдатская жизнь. Был солдат, и нет солдата. Погиб и погиб. Другой на его место придет. Из маршевого пополнения пришлют. И будет таким же невзыскательным и терпеливым. Как будто войну можно перетерпеть. Выбывшего из списков вычеркнут только на следующий день, чтобы старшина смог получить и на его долю котелок каши, пайку хлеба и консервов да сто граммов водки. Долю его разделят товарищи. Им-то еще воевать и воевать, терпеть и терпеть. Взвод застелет плащ-палаткой дно просторного окопа, расставит дымящиеся котелки, поделит хлеб. Кто-то из сержантов поделит водку. Взвод помянет тех, кто не дожил до очередного «рубона». Вот и вся тризна. И каждый, глотая горячую кашу из котелка, будет думать о том, что, возможно, завтра вот точно так же помянут и его. И его пайку водки и хлеба поделят по-братски, чтобы жить дальше.

– Товарищ лейтенант, – неожиданно прервал его невеселую думу Олейников, деловито прочищая сухой травинкой прицел своей винтовки, – а мы сейчас где? В каком, в смысле, положении находимся? В окружении или как?

Ратников и сам толком не понимал, что произошло. После рукопашной, в которой они зло и яростно разметали немецкую цепь, Ратников сколотил небольшую группу и повел ее дальше, на высоту, надеясь, что в первой траншее у немцев никого не осталось. Вначале с ним было человек восемь. С флангов неожиданно ударили пулеметы. Надежда, конечно, была, что там, на «тягуне», среди упавших под пулеметным огнем остались и живые – залегли и теперь лежат, ждут, когда наступят сумерки, чтобы отползти назад. Только бы немцы не вздумали собирать своих раненых и убитых, пока не стемнело.

– Где... Моли бога, чтобы ротный от своего пулемета не отходил, – ответил Ратников. – Пока Соцкий возле «станкача», мы не окружены. А ты что, плена боишься?

– Где окружение, там и плен. Я в плен не пойду. Вон, Алешинцев в плену побывал. Всего-то два месяца в Рославле за колючкой посидел, а скажи теперь, что ему всего двадцать годов от роду... Уж лучше поднимусь и побегу. А Соцкий не выдаст, он пулеметчик хороший. Только бы хорошо попал, чтобы сразу наповал. А то ведь раненого уволочут.

– Хватит болтать, Олейников. Лучше послушай немца. А то у меня что-то в ушах... Шум какой-то.

– Так граната разорвалась рядом, товарищ лейтенант! Нас же в блиндаже чуть не завалило. Вы что, не помните, как мы откапывались? – Олейников внимательно посмотрел ему в глаза и по привычке недовольно хакнул. – Ну да, как с бабой... После и вспомнить толком не можешь...

Выходит, они побывали там, в немецкой траншее? И сюда попали уже оттуда? Значит, все штрафники, которые с ними поднялись, остались не в «тягуне», а в немецких окопах...

Ратников закрыл глаза, пытаясь успокоиться и хотя бы что-то вспомнить.

...Бруствер, усыпанный пустыми консервными банками. Прыжок вниз. Спина, перехваченная ремнями солдатской портупей. Сгорбленная узкая спина пожилого человека. Этот убегающий от него немец, видать, не участвовал в контратаке и не попал в рукопашную внизу. Ратников начал настигать его. Прицелился штыком в соединительное кольцо портупей. Удар! Немец сразу упал на колени, запрокинул голову и сказал что-то. В руках у него ничего не было, никакого оружия. Лицо действительно пожилого человека. Заплаканные глаза. Под глазами на щеках грязные потеки. Как у ребенка. Вот почему Ратников так легко догнал его. Ратников начал вытаскивать штык, уперся ногой в плечо, потащил на себя. И в это время его едва не сбил с ног кто-то из своих, бежавших следом.

– Лейтенант! Это ты? Граната есть? – Штрафник, он был из другого взвода, толкал его в грудь и требовал гранату, указывая за изгиб траншеи. – Так нельзя, попадем под пули! Давай гранату!

– Нет у меня гранаты! У него!

Они стали обшаривать заколотого немца. Тот был вялый, тяжелый, какими бывают раненые. И у Ратникова в какой-то миг мелькнуло: видать, еще живой, Олейников бы добил. Ни гранаты, ни другого оружия у немца они не нашли. Пока возились в поисках гранаты, над бруствером рвануло, с упругим шипением над головами пронеслись осколки. На спины обрушились комья земли. Кто-то закричал:

– Мины кидает!

Рвануло по другую сторону хода сообщения. Еще и еще. Земля задрожала, заколыхалась. Чьи минометы их накрыли, Ратников так и не понял.

И еще запомнил лейтенант Ратников, как из-за изгиба траншеи вывалились сразу несколько немцев и, ревя и молотя из автоматов, ринулись прямо на них. Вот тут-то, видимо,

кто-то и затащил его в блиндаж, потому что всех, кто замешкался, немцы буквально смели. Олейникова в траншее он не видел. Но наверняка тот всегда был где-то рядом.

– Я так смекаю, – сказал Олейников, – что они если и не ушли, то решили особо не высовываться. Нас караулят. Тоже, видать, с резервами дохло. Вон, сходили по шерсть... а кое-кто и сам под ножни попал. Поскорее бы темнело.

– Вечером они сюда пришлют охранение. Так что скоро приползут.

– Как думаешь, товарищ лейтенант, оттуда все наши ушли? – И Олейников качнул штыком в сторону немецких окопов.

Он и сам думал о том же. И все же вопрос Олейникова застал его врасплох. Это был один из тех вопросов, которые задают бойцы командиру всегда неожиданно, потому что ответить на них непросто. Ратников поежился, тряхнул головой. В такой суматохе... В суматохе... Но людей-то в штыковую поднял и повел ты, и ты их потом погнал в немецкую траншею. Надо было сразу назад, вниз. Вниз... Там Соцкий с пулеметом. Убитым все равно. Их немцы уже, видать, выбросили из хода сообщения. А вот раненым... Если они остались там...

– Ты взводного не видел? – спохватился Ратников: как же он раньше не подумал о Субботине?

– Мне Хомич тебя поручил. Мы с вами с прошлой зимы вместе. Так что... – Олейников всегда путал «ты» и «вы», когда разговаривал с Ратниковым.

Ратников молчал. Олейников снова осторожно высунулся из окопа, послушал поле, тихо продолжил:

– Не знает тот лиха, кто в окружении побывал. А я там побывал. Знаю. Под Вязьмой в сорок втором. Тогда наша Тридцать третья попала в окружение вместе с кавалеристами Первого гвардейского корпуса. Может, слышали, наш командующий, генерал Ефремов, тогда застрелился. Немцы даже листовку раскидали: все, мол, сдался ваш генерал, в тепле, в холе, кофий у нас пьет! Прочитал я тогда одну такую бумажку, да и плюнул на нее. Чтобы, думаю, наш командарм, такой богатырь, да в неволю?! Не может такого быть! И правда. Потом на переформировке, уже после госпиталя, встретил я одного сержанта из нашего полка. Так он и рассказал мне правду: застрелился, говорит, наш командующий, чтобы в плен не попасть. Вязьма отсюда недалеко. Северней. Вы меня слушаете, товарищ лейтенант?

– Слушаю, слушаю, Олейников. Рассказывай.

– Ну-ну. А то я думал, вы задремали. Так вот о командирах... Помню, столпились мы, как стадо баранов, вокруг одного младшего лейтенанта. Человек шестьсот. Больше половины раненые и обмороженные. Голодные. Злые. Четвертые сутки маковой росинки во рту не держали. Перед нами Угра, и уже вскрылась, лед погнала, разлилась, разошлась вширь – ну тебе, прямо не река, а море! А тот младшой и сам перепуганный, и голова у него в бинтах... Бойцы стоят, ждут: «Веди! Ты командир, ты и веди! Скажешь: повернуть – и в бой! Повернем и пойдем на смерть. Скажешь: оружие сложить. Сложим. Тебе – командовать, тебе за нас и отвечать». И – повел нас тот младшой. Вперед повел. Льдин наловили, какие-то бревна нашли... Перебрались. Правда, не все. Ох, и была ж у нас тогда переправа... Страшно вспомнить. Немец с правого берега из пулеметов лупит, а мы через Угру плывем-перебираемся. То один, глядишь, охнул и под воду ушел, то другой. А все же Угру переплыли. Вывел нас тот младший лейтенант из окружения. Четверо мы вышли. К вам-то уже после запасного полка, с маршевой ротой прибыл. Да, натерпелись мы тогда, в окружении. Помню, через фронт переходили... Дождались ночи, поползли. Нас тогда еще порядочно было, человек двадцать. Немца часового сняли. Пошли черед нейтралку и тут на минное поле напоролись. Двоих, они впереди шли, сразу убило. Стрельба, понятное дело, сразу поднялась. С той и с другой стороны. Немцы вскоре успокоились, прекратили огонь. А наш «максимка» садил и садил, да все длинными очередями. С вечера, видать, хорошенько пристрелял свой сектор и жарил по нашим головам точно. А нам дальше через заграждения лезть. Заграждения добросовестные, в три кола. Резать проволоку

нечем. Полезли через колья. Побросали шинели на проволоку и – по этим шинелям... Вот тут-то «максимка» и добивал нас, как белок на суку. А что пулеметчику? Он видит движение с немецкой стороны и – давай палить. В той группе с нами и десантники шли, и кавалеристы. Все, кто в плен не захотел. Хотел я тогда, после всего, пойти в копы и найти того пулеметчика, да морду ему набить. Такой же, может, гад, как наш Соцкий...

– Ты, Олейников, Соцкого погоди бранить. На него, может, вся наша надежда.

– А если и выйдем... Ты думаешь, наши мучения кончились? Думаешь, спишут судимость после этой атаки? Как бы еще пару месяцев «шуры» не накинули.

– Тихо!

– Что это?

Где-то вверху, за гребнем высоты, послышался вначале глухой и смутный, а потом более отчетливый и мощный рокот моторов. Он то затихал на мгновение, то снова возобновлялся, уже отчетливее и ближе.

– Танки подтягивают. Вот что это.

– Гудят, проклятые. Сильно ж мы их тут напугали своими саперными лопатками.

– Танки. Или самоходки.

– Если самоходки, дело паршивое. В Козловке на левом фланге «фердинанд» за несколько минут ползвода выбил. И ушел. А в Закрутом они сколько наших танков пожгли. Я видел. Как раз перед нашими окопами «валентайны» и «тридцатьчетверки» вперед пошли. Мы обрадовались, думали, ну все, прорвались, сейчас и мы пойдем. Трофеи собирать. Какое там! Как даст-даст – и броня насквозь, с выходом. Ему с такой пушкой – что «валентайн», что «тридцатьчетверка». Танкистов много погорело. Вот уже где страшно воевать, товарищ лейтенант, так это в танке.

– Подводят. Значит, скоро наступление. Они это знают точно.

– Откуда?

– Авиаразведка. Наши из тылов войска подводят, технику. А они эти передвижения засекают.

– Во! Во! Слышите? И в той стороне задвигались. Если так, то им сейчас не до нас. Небось всю лопатками работают, окапывают свою технику и боеприпасы. Сползаю-ка я к немцу. А?

– Ну, давай. Только, если что, сразу назад. Никакой стрельбы. Понял?

– Ничего. Если что, Соцкий поможет.

Олейников поставил винтовку в угол окопа, осторожно выглянул через насыпанный брустверок, некоторое время наблюдал за немецкой траншеей. Ратников тоже встал. И сразу почувствовал, насколько теплее внизу, в окопе. С северной стороны, от леса, тянуло холодным низовым ветром. Ратникова начало знобить. Мокрая от пота гимнастерка все еще прилипла к лопаткам, холодила спину. В левый разорванный до плеча рукав задувало, как в трубу. В локте саднило. Похоже, локоть выбит и начал опухать. Он потянул к себе винтовку, перехватил ее за штык и тут же брезгливо разжал и отдернул руку. Штык был покрыт бурой слизью, особенно в пазах. Он ухватил клоч соломы со дна окопа и принялся торопливо отчищать штык.

Олейников вскоре вернулся. Он перебросил через бруствер кожаный ранец, потом пропихнул немецкую шинель и, наконец, с автоматом на шее свалился в окоп сам. Он был возбужден, похохатывал, блестя глазами:

– Вот, командир, ехал было мимо, да завернул ко дыму... Одним словом, какую-никакую одежонку вам раздобыл. Накиньте-ка, примерьте обновку. Вижу, колотит вас. Так малярка начинается. Паршивая штука. – Олейников снова перешел на «вы». Но ненадолго. – А посмотри, как хорошо сшита. И сукно что надо.

Ратников осмотрел шинель, как, наверное, осматривают на базаре не новую, но нужную вещь, отряхнул ее от налипшей земли и накинул на плечи.

– Там их двое лежат. Видать, и вправду Соцкий срезал. К другому я не пополз. Патронов вот прихватил. Три рожка. Так что пока живем. А ранец, гляди, доверху набит. – И он похозяйски похлопал по потертой коже ранца, откинул верх и понюхал содержимое. – Немцем воняет.

Олейников вынул сверток, лежавший сверху. Это была пара чистого белья. Хлопчатобумажные кальсоны и рубаха.

– Во! И они подштанники носят! На банный день, видать, выдали. Холодно без подштанников в чужой земле сидеть.

Ратников опустил на колени, стараясь плотнее укутаться в немецкую шинель. Шинель действительно пахла чужим человеком, и это вызывало брезгливость, иногда даже подступала тошнота, но желание согреться и унять дрожь было сильнее. И он, кажется, начал немного согреваться и успокаиваться. Во всяком случае уже не задувало в разорванный рукав и не пробирало до костей. Хотя дрожь не проходила. Трясло разом, накатывало неожиданными короткими приступами, с которыми невозможно было справиться. На лбу выступил холодный пот. Сознание туманилось, как после внезапно прерванного сна. «Неужели заболеваю, – подумал Ратников. – Только этого не хватало». Усилием воли он выхватывал себя из состояния оцепенения и прислушивался к тому, что же все-таки происходило в нем.

Но надо было слушать. Слушать, что происходит за окопом, в стороне высоты. Там, на высоте, похоже, ничего особенного не происходило. Затихли даже моторы самоходок. Ратников был уверен, что немцы, боясь танковой атаки, выдвинули вперед именно самоходки. Не верили, что иваны снова пойдут в атаку одной пехотой. Самоходки... Конечно, самоходки. Как под Закрутым. Там они встретили нас хорошо. Минные поля. Заграждения. Колючая проволока. А узкие проходы перекрыли средствами ПТО. В том числе и самоходками. Много наших танков сожгли именно они, самоходки. Ратников вспомнил, как после боя, когда их, остатки штрафной роты, отводили назад, они шли мимо сгоревших «тридцатьчетверок» и «валентайнов», как качалось над ними, еще не остывшими, марево, как плавилось в воздухе запахи окалины и человеческого мяса. Его снова замутило, затрясло.

Вверху все было тихо, и это расслабляло. Появлялось непреодолимое желание поспать – хотя бы пять-десять минут. Чтобы действительно не уснуть, Ратников рассеянно наблюдал за Олейниковым, за тем, как тот деловито и расторопно разбирает содержимое немецкого ранца. И, наблюдая за своим солдатом, он испытывал и неловкость, и любопытство одновременно. Раньше бы сделал замечание. Или ушел бы в другой окоп, чтобы не мешать пиру победителей. А теперь он смотрел на личные вещи убитого глазами своего бойца.

Кто он, этот немец, пришедший на их, Ратникова и Олейникова, землю? Почему он нахлынул на их города и села с такой жестокостью и алчностью? И что он, вчерашний победитель, разбивший многие наши армии и взявший в плен десятки окруженных дивизий и полков, думает теперь, когда отступает по всем фронтам?

Ничего он уже не думает. Лежит. Коченеет. И ранец с его личными вещами разбирает Олейников. И половину этих вещей он выбросит или зароет на дне окопа.

Однажды взвод Ратникова захватил немецкий обоз. Обоз был небольшой, несколько подвод. Полк наступал. Перед сумерками, когда уже зашло солнце и воздух густел и становился влажным и пахучим, рассеянная цепь его взвода вышла к опушке леса и там, в неглубокой пологой ложинке, которую с поля было не видеть, на переезде у разбитого авиацией моста наткнулась на обоз отступающих немцев. Ездовые сдаваться не захотели, открыли огонь из карабинов. День прошел без особых происшествий, а тут сразу двое раненых: сержант, командир третьего отделения, и один боец, шедший с ним рядом. Взвод залег. Ратников приказал пулеметчикам дать несколько очередей. Пулеметы тут же заработали. Стреляли Олейников и Маркин, пожилой, лет сорока пяти боец из тульских ополченцев, которого молодые солдаты звали «дядькой». Возле переезда сразу началась паника. Кони полезли через вывернутые из

земли сваи и бревна раскиданного накатника, затрещали оглобли и построжки. Немцы побросали повозки, побежали к лесу. Их тут же, на опушке, всех и положили. До леса не добежал никто. Пулеметчики израсходовали по полному диску. Торопливо и азартно, чтобы не упустить никого, стреляли из винтовок солдаты. Кто лежа, кто с колена, а кто и встав во весь рост. Стрелял из своего табельного «ТТ» и он, лейтенант Ратников. Когда добрались до подвод, обнаружили, что нагружены они мешками с мукой, сахаром и крупами. Ох, и попиروвали ж они в тот раз! Несколько мешков белого, как снег, пиленого сахара солдаты тут же заслуженно разобрали по «сидорам». Кто позапасливей да поумней, прихватил круп и мучицы. Когда долго нет кухни и нет даже вестей, где она, по какой такой долгой дороге догоняет их наступающую роту, и мука да горсточка круп за великое счастье. Зачерпнул в котелок воды, поставил на костерок, посыпал туда мучицы, размешал. Попьет солдат такой болтушки, угостит товарища, который в обмен ему оставит недокуренный «сорок», и уже не так тягостна война.

Остальное добро в тот раз отправили в обоз, сдали старшине Хомичу. Вот уж кто был безмерно рад такому солидному приварку, нежданно-негаданно свалившемся на роту.

Хомич хлопотал перед ротным, чтобы его, лейтенанта Ратникова, и пулеметчиков наградили медалями «За боевые заслуги», потому как заслуги действительно налицо. Да еще и мука, сахар, крупы в придачу. Ротный сказал Хомичу, чтобы о приварке помалкивал, иначе трофей придется сдать на полковой продсклад по описи. Есть приказ: все продовольствие, захваченное в качестве трофея, даже зерно, сдавать по назначению. Лошадей тоже ротный зажал. И правильно сделал.

После боестолкновения на переезде к ним прибежал от ротного посыльный, поинтересовался, что за стрельба, осмотрел убитых и передал приказ: прекратить движение и занять оборону по опушке леса фронтом на северо-запад.

Вот тогда-то, наспех отрыв окопы, солдаты и занялись немцами.

Убитых было пятеро. Четверо солдат и офицер. Офицер лежал на опушке, он успел убежать дальше всех. Возможно, ездовые потому и открыли огонь, что хотели спасти своего командира. Фуражка его с высоко задранной тульей и красивой кокардой на черной тулье отлетела далеко в сторону. Кто-то из подошедших наклонился, поднял ее и сказал:

– Одеколоном пахнет.

Рядом с убитым лежал офицерский «парабеллум». А на руке, закинутой за голову, желтым блеском сияли золотые часы на позолоченном, слегка потертом браслете и обручальное кольцо. Немцу было около сорока. Немолодой.

Ратников поднял «парабеллум» и снял его с боевого взвода. Половина обоймы оказалась израсходованной.

Пуля попала офицеру в спину и вышла под горлом, раздробив ключицу. По розовым, острым, как шильца, косточкам уже ползали мухи. На землю он падал, видимо, уже мертвым. Когда Ратников нагнулся за трофеем, мухи, жадно сосавшие кровь, нехотя слетели с кормежки и, будто пьяные, заметались внизу, время от времени врезаясь то в голенища сапог Ратникова, то в ботинки солдат. Одна из них ударила Ратникова в переносицу, скользнула вниз и зацепилась лапками за губу. Он в ужасе отмахнулся. Его тогда едва не стошнило.

Вот и сейчас крупная, с мохнатой спинкой муха, невесть откуда взявшаяся в эту пору, ползала по штыку винтовки. Ратников с отвращением следил за ее деловитой суетой. Муха перебирала своими проворными лапками, ловко присасывалась длинным хоботком то там, то там. Штык Ратников так и не смог отчистить как следует. Штык надо было где-то помыть, а потом хорошенько протереть ветошью. Иначе запахнет и покроется ржавчиной.

– А часики хорошие, швейцарские. Такие больших денег стоят, – сказал тогда на опушке кто-то из солдат, стоявших рядом.

На те часы многие посматривали. Но молчали. И Ратников понял, что этого убитого офицера, с его золотыми швейцарскими часами, взвод отдавал ему. Честный трофей, взятый в бою.

Пулеметчик Олейников, тоже тогда оказавшийся на той опушке, кивнул на «парабеллум», который Ратников все еще держал в руке, и сказал:

– Это правильно, товарищ лейтенант, при рати железо дороже золота. Но часы все же заберите себе. Вам они куда нужнее.

– Берите, берите, – посоветовал и другой пулеметчик, дядька Маркин. – Ваши-то больно старенькие, циферблат, гляжу, слепой совсем. – И дядька Маркин покачал головой, глядя на убитого. – Так-то оно, ребятки, и бывает: голова пропала, а шапка цела...

Часы у Ратникова действительно были старые, затертые, с выгоревшим циферблатом и сколотым стеклышком. К тому же иногда выпадала заводная головка, и, чтобы не потерять ее, он время от времени трогал часы указательным пальцем, всякий раз подпихивая головку на место.

Искушение он тогда поборол. О своих часах сказал:

– Подарок отца.

– Заберите. С вашими, хоть они вам и дороги, до Берлина нашему взводу, пожалуй, не дойти. – И дядька Маркин улыбнулся и поправил пальцем усы.

Солдаты вдруг начали торопливо расходиться. И Ратников понял, что или Олейников, или дядька Маркин украдкой махнули им: мол, нечего вам тут делать, пусть лейтенант сам со своим трофеем решает...

Он посмотрел на убитого еще раз, на густой чуб светло-русых волос, на закинутую за голову, будто во сне, руку с золотыми швейцарскими часами и обручальным кольцом и подумал: «Возьму, а завтра на такой же опушке и меня... И с моей руки, вот так же облепленной мухами, брезгливо сорвут эти часы...» И он сунул «парабеллум» в полевую сумку, перешагнув через убитого и побежал догонять своих солдат.

На другой день он приказал убрать убитых подальше от позиций. Стоял июль. Жара. За ночь трупы разнесло, потянуло жутким, проникающим буквально всюду, запахом. Полетели мухи. Они забирались в окопы, в трещины сапог и ботинок, в солдатские котелки.

Ратников проходил мимо, когда взваливали на поперечины березовой волокуши офицера. Ни часов, ни золотого кольца на его руке уже не было.

И вот теперь бывший пулеметчик третьего взвода Олейников разбирал содержимое ранца убитого во время атаки гранадера, сортировал нужное и ненужное.

– Смотрите-ка, товарищ лейтенант, платок! Нарядный какой! Видать, где-то в богатом доме стянул. – И, расправив шелк на коленях, погладил жаркие багряные цветы. – Такие платки, товарищ лейтенант, у нас на Орловщине женихи своим невестам в день свадьбы дарят. Еще когда до сельсовета... В пасть бы ему, сучаре, этот платок забить. И сверху смолой залить. Может, он этот платок с моей родины приволок.

Затолкав платок обратно в ранец, Олейников вынул пергаментный сверток, от которого сразу пахло съестным.

– Во! Це ж, хлопцы, сало! Как будто из заначки Хомича. Сало – это жизнь, как говорит наш старшина.

Олейников вынул еще пару носков, совсем новых, и войлочные стельки. На дне ранца в холщовой мешочке лежали автоматные патроны. Россыпью. Много. Сотни полторы. Два снаряженных рожка и две гранаты без запалов. Но запалы вскоре нашлись, они были завернуты в пергаментную бумагу и лежали отдельно.

– Во! А тут что? – И Олейников вынул из бокового кармана что-то похожее на портмоне. – Целый чувал. Наверное, документы. Или письма от майн либе фрау.

– Майне либе фрау, – поправил его Ратников.

– Ну-ну, – хмыкнул Олейников.

Он раскрыл кожаные обложки и стал с любопытством вытаскивать и изучать бумажки, похожие на квитанции, несколько конвертов, в которых тоже что-то лежало. Коробочка с белым порошком, похожим на соду. Подобрал ее и протянул Ратникову:

– Это для тебя. Хинин. У тебя, товарищ лейтенант, малярия начинается.

Ратников и сам это чувствовал – малярия.

– Тут у него аптека с канцелярией одновременно. Запасливый немец попался. Одних только таблеток... Тут, наверное, и от поноса, и от запоров, и от зубной боли. А это что такое в расположении гарнизона? Гондоны. Во! Карточки с голыми бабами! Вот скажите, товарищ лейтенант, зачем они с собой всегда носят эти карточки? Онанизмом, что ли, занимаются? Хотите взглянуть?

– Нет, не хочу. Оставь их себе.

– Да они мне тоже без надобности. Вася Комин, из второго взвода, такую галерею любил. Был бы жив Вася, можно было бы ему подарок сделать. Но его теперь и живой не порадуешь... Видишь, как ловко упакованы... И зачем им на войне гондоны? А, товарищ лейтенант? Как вы думаете?

– Ты об этом Соцкого спроси.

– А что, спрошу. Мне с Соцким вообще поговорить охота. Если выберемся отсюда, обязательно несколько вопросов задам. – Олейников хмыкнул, мотнул своей огромной головой, повертел в пальцах упаковку с презервативами, посмотрел их на свет. – А говорят, им баб прямо на передовую привозят. Раз в месяц. Это дело у них, как у нас банный день.

Олейников вынул из ножен длинный штык-нож, видимо, тоже снятый с убитого немца, развернул пергамент и прямо на ранце стал нарезать сало.

– Вот бы отбить у них этот шалман.

– А что ты с ним будешь делать?

– Как что? – хмыкнул Олейников и указал на кусок сала. – Трофей.

Ратников, кутаясь в мягкую немецкую шинель, смотрел то на штык своей винтовки, по которому лениво, уже, видимо, насытившись, ползала толстая муха, то на руки Олейникова, перепачканные копотью и присохшей кровью. Всего полчаса назад этими руками он рушил и рвал опрокинутого им гранадера, рубил по каске и по лицу саперной лопатой.

Олейников перехватил его взгляд:

– Руки помыть было негде. Это уж так. Антисанитария налицо. Но вы не побрезгуйте, я до продукта руками не дотрагиваюсь, бумажкой вот придерживаю. Штык чистый. Вот только шнапсу у немцы не оказалось. А то бы и вовсе – как во втором эшелоне...

«Олейников – хороший солдат, – подумал Ратников, слушая его болтовню. – Такие, как он, приживаются на фронте легко. Быстро усваивают основную науку. Воюют исправно. Хотя под пули не лезут. В обороне надежны и основательны. К панике не склонны. Опекают молодых. В наступлении осторожны. Остро переживают гибель товарищей и почти не задумываются о собственной».

– Что-то ты, командир, совсем раскис. – Олейников наклонился над Ратниковым, словно пытаясь по глазам определить диагноз. – Так нельзя. Возьми-ка вот салыца. Из немецкого кубела. Подкрепись. Может, последний раз на этом свете хлебушко преломляем. Хлеб у нас хоть и немецкий, а ничего, добрый хлеб. Поле пахнет, родиной. Хлеб – везде хлеб. И в ресторане, и в окопе, и в гвардейской роте, и в штафной.

Ратников взял несколько кусочков ровно нарезанного сала, положил их на хлеб. Пальцы его дрожали. Вкуса пищи он не почувствовал. Немного погодя сонливость и ломота в суставах действительно прошли. Испарина на лбу и шее высохла. То ли трофейный хинин, который Олейников буквально силком затолкал ему в рот, то ли действительно сало.

В какое-то мгновение, прислушиваясь к своему состоянию, Ратников почувствовал беспокойство. Нет, это было похоже скорее на ужас. Такое чувство он испытывал до войны в лесу

во время покоса, когда где-то в стороне болота начала заходить гроза, а отец косил далеко и все не возвращался, оставив его у шалаша одного. Внезапное ощущение опасности. Тогда к шалашу вышел лось и остановился, нюхая воздух. Стоял и смотрел на него, огромный, угловатый зверь, чем-то похожий на колхозного быка Тимофея.

Внезапное ощущение опасности заставило его встать и выглянуть из окопа.

Олейников торопливо проглотил последний кусок сала, стряхнул в рот с промокшего пергамента хлебные крошки и тоже встал.

Пулеметная очередь рванула тишину. Трасса вспыхнула внизу, в кустарнике, в окопах третьего батальона и прошла над их головами к гребню высоты.

– Дай мне автомат и две запасные обоймы. Винтовки понесешь ты. Смотри, не вздумай бросить.

Пространство между подножием высоты и ее гребнем прочертила еще одна очередь «максима».

– Так. Соцкий нас предупреждает. Осталось понять, о чем.

В немецкой траншее вверху послышались голоса и глухой стук, похожий на стук саперных лопат о твердый грунт или коренья.

– Копают.

– Ползут. Вон, видишь? Трое или четверо. Еще двое. Надо уходить.

– По нашу душу? Неужели заметили?

– Может, и не заметили. Но ползут сюда. Может, охранение возвращается. Или разведка. Быстро очухались. Вот уже и «язык» понадобился.

«Максим» ротного заработал частыми короткими очередями. Так стреляют по явной цели. Значит, ротный заметил немцев и повел прицельную стрельбу, отсекая их от «тягуна», где залегли уцелевшие штрафники.

– Это меня умиляет, – хмыкнул Олейников, провозжая взглядом цветную трассу, завершившую свой полет в стороне немецкой траншеи.

Олейников перевалился через бруствер первым. Огляделся и проворно пополз вниз.

Ползти вниз было легче. Ратников видел перед собой мелькающие с быстротой ходко идущего человека стесанные набок каблуки солдатских ботинок, блестящие шляпки медных гвоздиков в два ряда и затыльники винтовочных прикладов. Винтовки Олейников волок за ремни, и они бились одна о другую и гремели. Но теперь этот шум не имел никакого значения. Немцы их наверняка уже заметили.

На высоте послышались характерные хлопки, и тут же где-то совсем рядом взвыло. Мины! И сразу стали неметь руки, от запястьев и выше. Ратников машинально припал к земле и заметил, что Олейников сделал то же. «Ну вот, сейчас и добьют на нейтралке. Теперь им ничего не стоит покончить с нами. Хуже, если ранят и утащат в свою траншею. Раненому в плену... Все у меня на войне уже было, – подумал Ратников, лихорадочно работая локтями и ногами. – Все было. Плена только не было». О последнем он подумал с ужасом и оглянулся. Бруствер немецкого окопа, который они недавно покинули, был уже далеко. Немцев Ратников не увидел. Или вернулись назад, что маловероятно, или просто сейчас их закрывал взгорок. Надо быстрее. Быстрее! Быстрее! Он снова оглянулся. «Сейчас выберутся на взгорок, и тогда мы у них как на ладони».

– Быстрее! – крикнул он Олейникову.

И в это время начали рваться мины. Взрывами закрыло березняк и всю лощину внизу. И Ратников понял: минометы бьют по траншеям третьего батальона. Или засекли пулемет Соцкого. Или роты поднимаются в атаку. Или минометчики отсекают их.

Олейников оглянулся: потное, в грязных потеках лицо его ничего не выражало, но в нем не было страха.

Минометы бросили еще одну серию, и стало затихать.

Снова появилась надежда.

Олейников полз и что-то бормотал. Траншея была уже совсем близко. Судьба снова бросила им соломинку выжить.

Но самое трудное было еще впереди.

Глава третья

Вечером командир 718-го стрелкового полка подполковник Салов по ходу сообщения, разбитому и заваленному очередным налетом «юнкеров», вместе с ординарцем и двумя автоматчиками охраны пробирался с НП третьего батальона к своей штабной землянке. Следом за ним с интервалом в десять-двенадцать шагов шли командиры батальонов, командир восьмой роты старший лейтенант Краков и взводный младший лейтенант Порошин.

Офицеры один за другим протиснулись в узкий проход землянки. Автоматчики охраны остались в траншее, присели на корточки, закурили.

Салов на ходу сбросил на топчан солдатскую плащ-накидку, взглянул на своего начштаба, стоявшего у стола, на котором была разложена новая карта с синей извилистой лентой Десны, с карандашными пометками и на этом берегу, и на том, и сказал:

– Ну что, сибирячки, притихли?

Все по-прежнему молчали.

– Еще две-три такие атаки, и Десну форсировать будет не с кем. К Могилеву подойдем, в лучшем случае, во втором эшелоне. Сегодня штрафных положили, а завтра придется... Ну, сами знаете...

Могилев на карте Салова был обведен красным карандашом, двойной линией.

Комполка взглянул на карту, и всем показалось, что подполковник смотрит именно на это двойное красной кольцо.

Родители Салова жили в Могилеве. Все в полку это знали. Однако себя комполка считал сибиряком. И по праву – вырос на станции Тайга. На фронте с сорок первого года. Воевал под Смоленском, под Москвой. Отступал. Был в окружении. Теперь вот снова идет по тем же местам, но теперь уже на запад, к Могилеву.

В полку после недавних пополнений почти одни сибиряки. Народ бывалый. Многие воевали в Монголии и имели боевые награды за Хасан и Халхин-Гол. Последние бои сильно выкосили батальоны. Дивизия наступала, стремясь выйти к Десне, захватить на правом берегу плацдармы для дальнейшего броска в направлении Рославля. Немцы отступали рывками, от рубежа к рубежу. Изматывали дивизию затяжными позиционными боями на промежуточных рубежах, часто контратаковали, применяя тяжелые танки и самоходки, шестиствольные реактивные минометы и авиацию.

Майор Симашков, начальник штаба полка, был постарше Салова, поспокойнее. Он органично дополнял темперамент и напористость своего командира рассудительностью и пунктуальной грамотностью штабного работника.

– Ну что, начштаба, как будем брать эту горку? С ходу-то не получается.

Симашков не спешил с ответом.

– Соцкий сегодня на «тягуне» еще один состав «шуриков» положил. Вояка... – Это сказал кто-то из комбатов.

– Да этот народ, товарищ полковник... Разве так атакуют? – Говорил начальник оперативного отдела.

Салов резко повернулся к говорившему:

– Они хорошо атаковали. Хорошо! И у них, между прочим, тоже матери есть. Матери, жены, дети. Так-то. А как они поднялись в штыковую! Ваши роты так поднимутся? У них,

товарищи офицеры, учиться надо, как выходить из безвыходной ситуации. А эту ситуацию создали, между прочим, мы с вами. Кто на «тягуне» взводы поднимал?

– Младший лейтенант Субботин.

– Что, первая атака?

– Первая. Из последнего пополнения.

– Убит? Или ранен?

– Убит.

– Как фамилия другого? Роту поднимали двое. Поднимали грамотно, с флангов, сразу кинулись на сближение. Я такой атаки давно не видел. Фамилия?

– Штрафник.

– Как штрафник? С лейтенантскими погонами?

– Лейтенант Ратников. Бывший лейтенант Ратников, – поправился командир восьмой роты старший лейтенант Юдаков. – А погоны... Что ж, видно, проглядели. Не разжаловали. Потому и направили не в штрафбат, а в нашу же роту. Видать, чтоб поскорее в бой...

– Кем воюет? Взводным?

– Нет, рядовым.

– Бывших лейтенантов не бывает. – Салов вздохнул. – Ратников... Теперь понятно.

Салов замолчал. Молчали и другие офицеры.

Все в полку знали эту историю. И о ней не хотелось вспоминать никому. Сейчас – тем более.

Неделю назад полк атаковал вдоль небольшой речушки Десенки в направлении населенного пункта Урядниково. Второй и третий батальоны, шедшие в первом эшелоне, наткнулись на сильную оборону. Наутро назначили очередную атаку, а ночью, перед рассветом, в деревню, занятую немцами, послали взвод лейтенанта Ратникова. Взвод обошел деревню с запада. Разведка сняла часовых на околице, и Ратников, развивая атаку в глубь населенного пункта, с ходу захватил несколько дворов. Немцы опомнились, выяснили численность ворвавшихся в деревню и начали контратаковать. Рота Юдакова замешкалась, и немцы отрезали взвод. Ратников приказал занять круговую оборону. Отделения заняли позиции в захваченных домах и сараях, окопались в огородах и проулках. Тем временем батальоны пошли в наступление, но не смогли преодолеть плотного минометно-пулеметного огня. Снова и снова пытались атаковать. В деревне бой шел всю ночь. Немцы подошли вплотную, и кое-где начали вспыхивать рукопашные схватки. Батальоны окапывались вокруг деревни и слышали крики своих товарищей и взрывы гранат. Утром бой утих. Из деревни к окопам третьего батальона приползли двое: пулеметчик Олейников и лейтенант Ратников. Одежда на них была изорвана. В «ППШ» Ратникова – пустой диск. О неудачной ночной атаке и потере целого взвода доложили командиру дивизии. Полковник тут же прибыл на НП третьего батальона. Начался разнос. Привели лейтенанта. Командир дивизии был убежден, что во всем случившемся виноват он, лейтенант Ратников. Не смог правильно организовать атаку взвода, не уничтожил, как было приказано, пулеметные гнезда противника и тем самым не обеспечил атаку батальонов.

– Где твой взвод, лейтенант?

Ратников вначале молчал. Ему было обидно. Но в глаза полковнику он смотрел прямо и твердо. Того, похоже, его упорный взгляд человека, случайно выжившего в ночном бою, бесил.

– Я спрашиваю, где твой взвод?

– Где взвод?! – сорвался Ратников и указал рукой в сторону деревни, где еще догорали дворы. Его бесило в этом крупном человеке с ухоженным лицом буквально все: и его аккуратный китель из дорогого сукна, и сияющие звезды на погонах, и запах одеколona, и то, как он смотрел на него, ваньку-взводного, свысока, морщась, почти брезгливо, и то, что бесцеремонно «тыкал». – Хочешь посмотреть на мой взвод? Пойдем! Бери автомат! Бери побольше гранат,

пару запасных дисков, и пойдём! Пойдём, товарищ полковник, взвод поднимать! Он весь там лежит! Никуда не ушел!

– Вот именно! – взревел командир дивизии.

– А чем мне было отбиваться, когда вы нас бросили? Хреном, что ли?!

– Ты как разговариваешь! – и полковник схватился за кобуру.

Но Ратников выхватил свой «ТТ» первым, снял с предохранителя и сказал:

– У меня здесь два патрона. Нам хватит. И впредь не смейте разговаривать со мной в таком тоне!

Сзади навалились, сбили с ног, выхватили пистолет. Несколько раз ударили под дых.

Эти два патрона, оставшиеся в обойме... О них знали только сам Ратников и его пулеметчик Олейников.

– В штрафную! – ревел, багровея, полковник. – Рядовым в роту! Под трибунал! Снимите с него награды! И погоны! Рядовым!..

– Мне в цепи ходить не привыкать, – зло усмехнулся Ратников.

Кое-кто из офицеров штаба полка стали свидетелями той безобразной сцены. Считалось, что Ратников сгинул в бою то ли под Закрутым, то ли возле Половитного. Штрафников в бой посылали часто и в самые гиблые места. А теперь выходит, что жив курилка! Да еще герой! Поднял залегших штрафников в штыковую атаку и блестяще провел ее. И если бы вовремя поднялись батальоны, то сейчас бы совещание проводили на высоте, в одной из немецких землянок, которых там наверняка чертова пропасть.

Теперь, судя по плану, разработанному майором Симашковым, предстояло нечто подобное тому, что было задумано в Урядникове.

Малыми силами до двух-трех отделений под прикрытием темноты вырваться на гребень высоты, рассеять оборону немцев, закрепиться и, удерживая часть траншеи, поддержать огнем роты, которые начнут общую атаку.

Еще один взвод должен попытать свою судьбу, чтобы полк смог выполнить приказ и ликвидировать немецкий плацдарм на левом берегу Десны.

Подполковник Салов знал, что начштаба уже подобрал людей. Еще утром комполка предупредил Симашкова, чтобы отбирал самых надежных, бывалых и – только добровольцев. Не больше двух отделений. Группу должен был возглавить младший лейтенант Порошин.

Салов несколько раз мельком взглянул на Порошина: чуть выше среднего роста, жилистый, как пружина, немногословный, взгляд цепкий, форму носит, как большинство офицеров передовой – небрежно, но с шиком.

Он вспомнил послужной список младшего лейтенанта: на фронте с сорок первого, воевал под Москвой, был в рейде по тылам противника, несколько ранений. До войны служил в пограничных войсках в Забайкалье. Лейтенантские погоны получил в Песчанке под Читой. Ускоренные курсы младших лейтенантов. В младших лейтенантах, однако, засиделся. Ну, ничего, выполнит это задание, и пусть Симашков пишет представление на еще одну звездочку.

– Ну что, Порошин, группа набрана?

– Так точно. Восемнадцать человек. Добровольцы. Почти все – коммунисты.

– Вот что, Порошин, пока есть время, побеседуйте еще раз с каждым и, если кто чувствует какие-либо сомнения или неуверенность в своих силах, срочно замените.

– Я был с ними под Козловкой, видел их в бою. За каждого могу поручиться.

Салов еще раз взглянул на Порошина, подумал: сдержанный, застегнутый на все пуговицы и крючки, должно быть, из интеллигентов, такие с бойцами на «вы» даже в окопах. Вот и Ратников такой же.

– Так, товарищи офицеры, давайте поближе к столу. Что мы имеем на сегодня? – взглянул Салов на майора Симашкова.

Начштаба докладывал долго, подробно перечисляя потери и возможности батальонов. Обозначил возможности полковой артиллерии, истребительно-противотанкового дивизиона и минометных батарей. Заметил, что из-за растянувшихся коммуникаций ухудшился подвоз огнеприпасов и других грузов. Салов хмурился, молчал. Комбаты поглядывали в тусклое окно землянки и ждали, когда майор Симашков закончит свою затянувшуюся речь. Слушая доклад начштаба об орудийно-минометной мощи и противотанковых средствах полка и приданных частей, о наличии боеприпасов в батальонах, каждый понимал, что главную задачу придется решать не им, не артиллерийским и минометным батареям, а тем двум отделениям, личный состав которых уже определен, отведен на отдых и ждет своего часа.

– Из штрафников кого-нибудь вытащили? Или Соцкий всех положил? – хмуро спросил Салов, глядя куда-то в угол землянки, где стояла круглая железная печь. – Как-то бессмысленно все вышло. Атаковали хорошо, вызвали противника на контратаку. А системы огня так и не раскрыли. Но атаковали штрафные хорошо. Эх, как они атаковали! Давно не видел такой атаки. С самого Смоленска. Развернулись из абсолютно безнадежного положения. У гранатеров только ранцы подпрыгивали. – Салов обвел всех горящими глазами и сказал: – Рота старшего лейтенанта Соцкого дралась превосходно. Уцелевших предлагаю представить к наградам и соответственно к снятию судимости.

– Из роты Соцкого, товарищ подполковник, санитары доставили на пункт сбора раненых девятерых. Все имеют тяжелые и средней степени ранения. – Докладывал командир третьего батальона капитан Софейков: рота наступала на его участке. – Двое вышли сами. С оружием. Вынесли тело младшего лейтенанта Субботина. Сдали в штаб трофейный автомат и несколько гранат.

– Ранены?

– Никак нет. Только так, слегка потрепаны и голодны. Говорят, что были в числе тех, кто ворвался в первую траншею на склоне. После того как их оттуда выбили, некоторое время отсиживались в окопах боевого охранения. Отошли, когда немцы начали обстрел.

– Двое. А еще кто?

– Больше никого. Эти двое из наших. До штрафной воевали в восьмой роте. – Капитан Софейков замаялся. – С этим Ратниковым одни проблемы...

– Ратников вышел?

– Вышел. Он и боец из бывшего третьего взвода. Пулеметчик. Они тогда, помните, вместе и под трибунал пошли.

– Олейников, – подсказал кто-то из командиров рот. – Хороший пулеметчик.

– Как же вы такое допустили, что лучший пулеметчик роты оказался в штрафной? Порошин, отыщите лейтенанта Ратникова и пулеметчика Олейникова и зачислите их в свою группу. С Соцким я сам договарюсь.

– Но, Ефрем Гаврилович, состав ударной группы уже утвержден, – возразил начштаба.

– Ничего, разберемся. Они там уже побывали. Сходят еще раз. Сегодняшней атакой они трижды искупили свои грехи. Если они у них были. Всех выживших – к медалям. Ратникова, я считаю, представить к ордену Красной Звезды. Сам буду ходатайствовать.

– Красная Звезда у него уже есть.

– Вот видите! Тогда – к ордену Красного Знамени. Готовьте, товарищ майор, представление. Я подпишу. Командир дивизии – человек отходчивый. Думаю, что он уже забыл тот неприятный инцидент. А вы, Порошин, должны понимать, кто идет с вами. Дорогу туда, через «тягун», они знают лучше любой разведки. Учтите, что идти придется по минному полю. Поле наполовину разминировано. Сколько они там держались?

– Да с полчаса где-то, – ответил капитан Софейков. – Пока немцы резерв не подвели.

– Полчаса! Да за это время батальон мог бы и вторую траншею захватить! Прележали в окопах...

– Минометы, товарищ подполковник. Головы поднять было невозможно.

– Минометы... Распорядитесь, чтобы лейтенанта Ратникова и красноармейца Олейникова накормили как следует. Выдайте шинели и автоматы. Лейтенанту Ратникову – погоны. Пусть в бой идет офицером.

– Так он погон и не снимал.

– И правильно делал. Значит, дорожит ими. Молодец!

Уже затемно, прощаясь с командирами батальонов, Салов сказал им напоследок:

– Ну, товарищи капитаны, если ночью группа Порошина не прорвется, а ваши роты не займут первую линию и не оседлают высоту, завтра утром придется лезть напрапалую. Дивизия ждать нас не будет. Высота – во что бы то ни стало. Понятно? И, как говорили древние, победителю прощают все.

Командиры батальонов ушли. В землянке полкового штаба на некоторое время воцарилась тишина. Лишь изредка со стороны леса, за которым поднималась, дыбилась на фоне закатного неба высота, постукивали, будто пытаясь доказать каждый свое, два пулемета – торопливый немецкий «МГ-42» и наш, басовитый «максим».

Салов взял со стола лист бумаги, запечатанный ровными машинописными строчками, поднес его поближе к «летучей мыши», висевшей под низким потолком березового накатника, выкрутил побольше фитиль. Это была копия вчерашнего донесения в штаб дивизии.

«12.09.43. в 14.30 полк оседлал развилку дорог у высоты отм. 224,1. На высоте два танка, одна самоходная установка «скрипач». Из-за высоты ведут огонь две артиллерийские батареи. Подразделения полка вплотную столкнулись с противником и ведут бой. Пехота противника непрерывно контратакует». О штрафных – ни слова. О штрафных напишет донесение старший лейтенант Соцкий.

За лесом в стороне высоты дважды ухнуло. Подпрыгнуло мутное стекло под козырьком накатника. Салов невольно прислушался. В полосе обороны второго батальона лежали тяжелые снаряды. Видимо, немцы что-то все же пронюхали и готовились к их наступлению, пристреливали гаубицы.

– Второй батальон... Второй батальон... Вчера, напомни-ка, какие были потери на минном поле? – не отрываясь от карты, спросил Салов майора Симашкова.

Оставаясь одни, они были на «ты».

– Вчера... Двенадцатое сентября... Второй батальон... Выбыло: в пятой роте – шесть человек, в шестой – трое. Из них один командир отделения, сержант. И один командир взвода, лейтенант Митрофанов. Это – безвозвратные потери. Санитарные... Ранено семнадцать человек. Пятеро – тяжело.

– Лейтенант Митрофанов. Хороший командир был. Я его на роту хотел поставить. За три месяца половина состава младшего офицерского состава выбита. Взводных теряем, как в сорок первом. Почему саперы не сработали?

– Саперы, Ефрем Гаврилович, сработали. Перед самыми траншеями немцы заминировали еще одну полосу, и довольно плотную. Мина на mine.

– Немца отправили?

– Да. Допросили с пристрастием и передали связистам из штаба дивизии. Полковник Кириллов мне уже звонил, благодарил разведчиков.

– Разведчиков...

– Вас тоже, Ефрем Гаврилович. Но очень сдержанно.

– Ну-ну... Что еще сказал Кириллов?

– Еще раз напомнил о высоте и особой задаче полка.

– Лучше бы пополнение прислали. Хотя бы пару маршевых рот. Да побольше мин для батальонных минометов. Им там, из штаба дивизии, высота не видна. – И погода снова о том,

что, видать, сильно саднило свежей занозой: – А сегодня за нас рота Соцкого дралась. Ратникова надо оттуда вытаскивать. И пулеметчика, который с ним. Иначе Соцкий добьет.

Сегодня, когда остатки штрафной роты кинулись в штыки, сломали цепь гранадеров и погнали их к траншее, седьмая и восьмая стрелковые роты третьего батальона тоже поднялись в атаку. Вместе с ними в бой пошла и полковая разведка. На правом фланге атакующим удалось ворваться в немецкую траншею. Но удержаться в отбитых окопах не смогли. Разведчики уходили первыми и утащили пленного немецкого офицера, захваченного во время рукопашной. Его чудом не зарубили саперными лопатами. В минуты ошалелой неразберихи схватка происходила на дне траншеи. По брустверам длинными очередями молотили и чужие, и свои пулеметы.

– Данные о самоходке он подтвердил. А это означает, что она будет нас крыть в хвост и в гриву. – Салов снова перечитал вчерашнее донесение.

– Да, Ефрем Гаврилович, штрафники тоже подтверждают, что в ближнем тылу, где-то совсем рядом, маневрируют либо танки, либо самоходки. Постоянно слышали гул моторов. То один, то два, то больше.

– Окапывают?

– Возможно, что и окапывают. Но я думаю, просто утром отводят в тыл и маскируют где-нибудь в деревне. Боятся нашей авиации. Ждут, что на высоту мы пойдем с танками.

– Да, – поморщился Салов, – как всегда, они не верят, что на такой укрепрайон мы полезем с голыми локтями...

Салов выдернул из стопы другой лист и начал читать, чтобы хоть как-то успокоиться:

«В 14.00 13.09 противник контратаковал силою до 100 человек, потерял 40 человек. Подразделения полка, начавшие наступать в 9.00, успеха не имеют. По подразделениям вели огонь 4 батареи, 8 пулеметов из первой траншеи, 6 – из второй. Авиация противника сбросила 40 бомб».

– Самоходки... В гроб их душу! Сколько их там может быть? Одна? Три?

– Пленный показал, что четыре. Штрафники слышали гул моторов справа и слева одновременно. Значит, не меньше двух. Учитывая рельеф местности и то, что основные коммуникации проходят через высоту и деревню Рубеженку, можно предположить, что все имеющиеся на этом участке фронта самоходки и бронетехнику они сосредоточили именно здесь, на высоте и в ее окрестностях.

– Значит, если они каждый раз производят свой маневр с бронетехникой, то не исключают ночной атаки с нашей стороны.

– Они ее ждут. Козловку запомнили хорошо.

– Кириллов танки нам не даст. Побойтся подставить под «фердинанды». Так что на броневое прикрытие рассчитывать не надо. В лучшем случае введет танки, когда прорыв будет уже сделан. Нам это работу мало облегчит.

– Пленный показал еще следующее: к высоте из тыла подведены две роты пехоты. Одна – резервная. Другая – маршевая, из района Рославля. Похоже, вытряхивают все, что могут, из тыловых служб. Но резервная – хорошо подготовленная, укомплектованная по полному штату рота.

– По тому, как они атаковали, видно, что не новобранцы. Если бы не Соцкий со своими врагами народа, дошли бы и до траншеи третьего батальона.

Над штабной землянкой прошелестел, завершая свою траекторию, одиночный снаряд и ударился где-то неподалеку, в лесу. Содрогнулись бревна стен и накатник. На стол, на разложенную карту и бумаги посыпался песок. Кольхнулся огонь в керосиновой лампе.

Выждав, когда огонь в лампе выровнялся, начштаба продолжил свой доклад:

– Пленный сообщил и еще кое-какие любопытные сведения. На стыках батальонов гренадерского полка оборону удерживают отдельные роты и полуроты. Расположены они за флан-

гами уступом. Соцкого они атаковали, как вы помните, выйдя слева, и только потом развернулись. В пехотных ротах у них картина, видимо, такая же, как и у нас. Некомплект компенсируют плотностью пулеметного огня.

– Много ты наговорил, и все не в нашу пользу. И тем не менее атаковать будем именно здесь. Меньше вероятности напороться на минное поле. Самое глупое – положить батальоны на минах. Глупее не бывает. Вышли саперов.

– Саперы уже приступили.

– Вот и побереги людей... Высоту брать надо? Надо. Хотя кому она нужна?

– Кириллову нужна.

– Только что. Обойти бы ее вот здесь и здесь. – Салов шоркнул ладонью по карте. – И отсюда бы они сами уползли. И плацдарм бы оставили. А если бы не ушли, то хуже для них. Взяли бы их в колечко и разделили минометами и артиллерией. Эх, торопыги... Самая неразрешимая задача на войне – как сберечь солдата. При том, что дважды и трижды в сутки его в бой посылать надо.

– В соседних полках потери больше. Так что, Ефрем Гаврилович, не нам за потери себя корить.

– Это да, после войны этим займемся. Тогда и пожалеем своих солдатиков. А сейчас их на «тягун» готовить надо.

Следом за группой Порошина должна была выдвигаться восьмая стрелковая рота. Седьмая оставалась в резерве. Второй батальон, как только завяжется драка на высоте, начнет действовать севернее, в том же направлении. А восьмая должна вползать, втискиваться в пролом, в трещину, которую проделают в немецкой обороне люди Порошина.

Салов был доволен своим начальником штаба: умен, предусмотрителен на любой случай, основателен, образован. Любит допрашивать пленных. Допрашивает без переводчика, вежливо. Те выкладывают все подробности. А майор записывает. Записывает и записывает. Исписал уже несколько блокнотов и хранит их в ящике вместе с секретными документами. Его любимая фраза: «Хороший пленный – десятки сохраненных жизней наших бойцов». ПНШ по разведке всегда у него в напряжении. Что еще? Хорошая память. Комполка мельком взглянул на майора Симашкова. Тот что-то помечал в своем блокноте для допросов. Немного занудливый. Но эта черта, видимо, характерна для всех умных и пунктуальных.

Тишину в землянке нарушил телефонный зуммер. Молоденький сержант-телефонист, все это время молчаливо дежуривший у аппарата, встрепенулся:

– Товарищ подполковник, вас вызывает «первый».

Салов перехватил протянутую ему телефонную трубку и услышал голос командира дивизии полковника Кириллова.

Разговор оказался коротким. Через полминуты Салов положил трубку на рычаг и взглянул на начштаба:

– Глубокая разведка выявила: с запада в сторону высоты движутся две колонны пехоты численностью до двух рот. Предположительно, завтра, где-то до полудня, они будут здесь. Если мы им тут, на высоте, позволим настолько усилиться... Так что времени у нас только до утра. Кириллов понимает, что тогда дивизия окончательно завязнет.

Снова, теперь уже с недолетом и правее, ухнул шальной снаряд. В дальнем конце хода сообщения закричали: «Санитара! Санитара!»

– Бьют вслепую по тылам.

– Значит, снарядов хватает.

– Как думаешь, Порошин не подведет? Прорвется?

– Прорвется. Порошин – хороший командир. И взвод у него надежный. Говорят, что все коммунисты и комсомольцы. Сейчас собрание проводит. Наши из политотдела пошли туда.

– Это хорошо. Настрой должен быть боевой, победный. Только бы он прорвался. А там, как-нибудь... напролом, драными локтями... Юдаков знает, как это делается.

Салов некоторое время рассеянно разглядывал карту. Но не она его занимала в эти минуты.

– Если ночью ничего не получится, – сказал он погодя, глядя мимо своего начштаба, – то утром поведу полк на высоту сам. Топчемся перед этой горкой... Саенко! – окликнул он старшину, сидевшего у входа и тюкавшего на березовом пеньке лесные орехи, которые откуда-то таскал каждый день по целому вещмешку. – Почисти-ка, братец, мой автомат.

– Так я ж его только вчера чистил.

– Ну, тогда смажь и протри. Чтобы работал как часы.

– И смазывал, и протирал.

– Да брось ты свои чертовы орехи! Смажь и протри еще раз!

– А, ну разве что так...

Глава четвертая

В этих краях осенний вечер скоро переходит в ночь.

Лейтенант Ратников лежал на дне узкого ровика-отвода, видимо, наспех прорытого для каких-то ротных надобностей, и наблюдал, как в черном глубоком небе играет луна. Она то выкатывалась из-за пазухи рваных туч и сияла ярко, порою ослепительно, отбрасывая отчетливые живые тени, то разом тускнела, занавешенная реденькой сеткой прозрачного облака, то пряталась совсем, истончалась и таяла, как сгоревшая ракета. И тогда на землю, на склон за нейтральной полосой, на невысокий притоптанный бруствер, так и не поправленный после атаки, на черную, как само небо, траншею и на ровик, в котором лежал, отдыхал посреди войны лейтенант Ратников в ожидании своей участи, наваливалась такая кромешная жуть, что хотелось встать и уползти прочь из этого ровика, к людям.

Но люди были рядом. Они лежали и сидели тут же, в траншее, в соседних ровиках, в боковых отводах, под маскировочным накатником и под открытым небом. Слышался храп, мерное посапывание. Кое-где тихо переговаривались. Как всегда перед боем, спали не все. И в какое-то мгновение Ратников почувствовал себя совсем не чужим среди этих людей. Ему показалось, что кругом – его рота и что он в ней не штрафник, не достойный ни погон, ни наград, не изгой, с которым не каждый и разговаривать станет, а по-прежнему командир взвода, офицер. Никто тут за ним не присматривал, не прислушивался к его дыханию. С людьми, окружавшими его сейчас, у него началась общая судьба. И в следующую атаку, которая начнется, может, часа через полтора, а может, и раньше, он с ними пойдет уже на равных. С автоматом. С погонами. Хотя и без взвода.

Вспомнив о взводе, Ратников тяжело вздохнул. И где он, его взвод? Он закрыл глаза и стал вспоминать имена и лица своих бойцов и сержантов, стрелков, пулеметчиков. Некоторые погибли еще до Урядникова. Некоторых и похоронить не успели, так быстро продвигались вперед, что вчерашние позиции за сутки оставались за десятки километров позади. «Никто из них меня не упрекнет, – подумал он. – Когда-нибудь встретимся. Конечно, рано или поздно встретимся. Если весь состав моего взвода собрать вместе, если с сорок первого всех... то, пожалуй, рота наберется...»

Рядом, за земляным плечом, курили – тянуло вязким табачным ароматом, от которого кружилась голова и язык обволакивало горькой слюной.

Пулеметчики не спали. И чего им не спалось?

Ратников привстал на локте и прислушался к их разговору.

– ...А я ей тогда и говорю, – послышался из-за поворота траншеи глуховатый голос одного из говоривших, – ладно, мол, что было, то было. Рожай, что ж... Ребятенка, говорю,

признаю как своего. Никуда не ходи, чтоб никаких абортгов и прочее. Только здоровье стра-тишь. Да и ребяенок не виноват. Ребяенок, если он в бабе завелся, на свет пускать надобно. Ему жить охота. Да... Но, говорю, чтоб больше...

– И что же? – изумился другой.

– А что... Месяца через два вышло дело. Как раз стоговали. В ночь пошли. На дальнем поле. Ну, я ее с тем механиком городским опять и застал.

За поворотом в пулеметном окопе некоторое время стояла тишина. Даже спящие вокруг на мгновение храпеть перестали. Казалось, сама ночь была поражена этим откровением чело-века, вспоминавшего свою прежнюю довоенную жизнь. По интонации голоса, по той откρο-венной простоте своего рассказа, в котором он, казалось, ничего не утаивал ни от слушавших его, ни от себя самого, чувствовалась такая любовь к этой прежней своей жизни, такая надежда на то, что она когда-нибудь продлится, что никто из бойцов не посмел проронить ни слова, ни усмешки.

– И что же, дядь Петь, небось опять простил? – наконец спросил молодой голос.

– А что ж, и простил. Женщина она у меня видная, красавица. А я, видать, по своей черствой мужской натуре мало ей внимания уделял. Выходит, сам виноват.

Разговаривали двое. Пулеметный расчет. Первый и второй номера. Иногда голос пода-вал третий. Но он больше слушал. Видать, подремывал. А эти двое не спали. Оставшиеся до атаки часы решили скоротать так, в разговорах о доме, о близких. В голосе первого чувство-вались годы. Такие люди говорят нечасто и немного. Порой всю жизнь молчаливо и терпеливо копят в душе. Как в темной суме. Но уже если настает час, то вытряхивают из своей сумы все без утайки. Наверное, именно из таких историй в прежние времена люди складывали песни. О нелегкой доле, о женской неверности, которую ни словом, ни плетью не унять, а только можно перетерпеть или пересилить своей любовью. Такие песни Ратников слышал еще в дет-стве. Тогда они казались непонятными и даже глупыми. Пели их старики в дороге. Длинные, заунывные, как и сама русская дорога. Подобную историю однажды осенью сорок первого под Малоярославцем, вечером перед атакой, рассказывал ему о своих непутевых сыновьях пожи-лой боец из московских ополченцев. Пришел тот «старик» во взвод с очередным пополнением. Лет пятидесяти. Никто во взводе и не знал, что у него трое сыновей и все трое сидят в тюрьме. А тут попали в один окоп, поели консервов из одной банки... Утром по зеленой ракете рота поднялась в атаку. Ратников поднял и свой взвод. И сам, как всегда, пошел в цепи. Чтобы бойцы о нем дурного ничего не подумали. Тогда, в сорок первом, автоматы были редкостью. На всю роту три «ППШ». У ротного, у политрука и у командира первого взвода. У Ратникова была винтовка. Свой «ТТ» из кобуры от доставал редко. Пистолет хорош в ближнем бою, в траншее, а в поле – винтовка. Тот пожилой москвич бежал рядом, и Ратников видел, как его убило осколком первой же разорвавшейся мины. Так и резануло по горлу, и охнуть не успел.

– Простил, – снова вздохнул пожилой боец. – А как тут быть... Она ж и меня любит.

– Вот ты, дядь Петь, какой чудной человек! – возмутился молодой голос.

– Да что ж, – усмехнулся пожилой, усмехнулся без горечи, совсем добродушно, – может, оно и так, что и вправду чудной. Видать, это у меня по слабости сердечной. Вот говорят: любовь, любовь... А что такое любовь, как не сердечная слабость одного человека к дру-гому? И ежели ты кого любишь, то все ему и прощаешь. И ты бы простил, ежели у тебя жена была бы...

– Нет, дядь Петь, я бы ни в какую не простил.

– А что бы ты сделал? Убил бы? – пожилой крякнул, засмеялся.

– Убить – это крайность. Убить...

– И любовь – крайность! Так-то, Колюшка, в жизни бывает. Вот поживешь, женишься, детей нарожаешь. Ежели, конечно, не убьют. По молодости лет я, брат ты мой, тоже так-то думал: пускай-де только взглянет на кого, я ей хвоста-то накручу! А как дети пошли...

Хозяйство... А баба она хорошая, хоть и слабая по этой самой части. Добрая. Работящая. В руках любая работа горит. И дети ухожены, накормлены. Женщина... Молодость... И обла- дить умеет. Это да. Бывало, так горячей ногой и обовьет. И все с нею забудешь. И сама так и заходится от счастья, будто только на свет божий для этого и пришла. Баба есть баба...

– Не пойму я тебя, дядь Петь. Вот убей, не пойму.

– А и не надо, – усмехнулся пожилой. Усмехнулся так, что будто задумался, может, о главном для себя. Так вспоминают самые счастливые дни своей жизни, которые ушли безвоз- вратно и по следам которых, быть может, пройти уже не суждено.

Минуту-другую там, за поворотом траншеи, стояла тишина. Ратников слушал ее с той необыкновенной жадностью, с какой человек, мужчина, впервые за многие дни и месяцы фрон- товой жизни вдруг понимает, что мир вокруг него наполнен не запахами войны и ее звуками, а иным, звучащим иначе и пахнущим иначе. Сквозь смутную темень крови вдруг проступила женщина. Рассказ пожилого пулеметчика одухотворил, очеловечил и эту ночь, и траншею с ее ровиками и блиндажами настолько, что Ратников впервые за многие месяцы снова понял одну непреложную истину, наполовину стертую обстоятельствами, что вокруг лежат, спят, а может, и не спят, молча думают о том же и не солдаты вовсе, а простые мужики, жители деревень и городов, мужья, сыновья, братья и отцы.

Такие мгновения на фронте мимолетны, случайны и невыносимо остры для онемевшей солдатской души.

Однажды вот такой же ночью в душном блиндаже в такой же тишине Ратникову пригре- зился запах какой-то травки, которой он и названия не знал, но которая росла в его деревне на пригорке, на самом припеке. За лето ее усатые колоски вызревали, становились серебри- сто-серыми, и осенью, когда все увядало и никло после первых ночных захватов, она начи- нала благоухать необыкновенно сильным и терпким запахом, чем-то напоминавшим запах женщины. Он очнулся весь в слезах. Часовой, сидевший у входа над тусклой коптилкой из сплющенной артиллерийской гильзы, смотрел на него удивленными глазами.

Немецкий пулемет простучал на высоте длинной слепой очередью. Пули легли точно – простригли бровку бруствера, зашлепали по березовой коре позади траншеи. Немец стрелял трассирующими, чтобы видеть свой след и управлять им, и на мгновение маслянисто-черное пространство над нейтральной полосой и траншеей оказалось расцвеченным разноцветными фосфоресцирующими трассами и брызгами рикошетов.

Вот и все. Ратников сглотнул сухой комок. В горле першило. В глазах стояли слезы. Вот и все...

– Страшает, гад, – зло выругался молодой и завозился, похоже, готовя пулемет и стаски- вая с него плащ-палатку. – А вот я ему сейчас нашенских круп подсыплю. У нас с дядей Петей тоже с вечера «на колышек» пристреляно.

Это была старая солдатская хитрость, родившаяся, должно быть, еще во времена само- стрелов и пицалей. Ратников освоил ее в подмосковных боях, когда огнем трофейного «маши- ненгевера» отгонял от позиций взвода немецких снайперов, охотившихся по ночам на звук или на огонек самокрутки. Пулеметчики днем вбивали в бруствер колышки, под приклад пулемета, на определенной высоте, чтобы приклад только-только проходил над колышками, делали при- стрелку. Если надо, колышки осаживали или, наоборот, вытаскивали повыше. А ночью вне- запно делали несколько очередей – пули точно проходили над бруствером. В ленте для верно- сти каждый десятый патрон меняли на трассирующий.

– Не надо, Колюшка. Пес с ними, – пытался остановить пулеметчика пожилой боец, и Ратников понял, что в расчете первый номер не он, а молодой, кого он называл Колюшкой.

– Мать его туда!.. – бранился пулеметчик, а второй номер продолжал терпеливо угова- ривать его:

– Посиди лучше. Поговорим хоть. Завтра с утра, гляди, опять командиры нас на высоту погонят. Что-то с вечера начальство по траншее ходило, в трубу за немцем наблюдало. Майор из штаба полка и с ним артиллерист, капитан. Что-то все записывали.

– Да хотя бы парочку очередей им...

– Уймись. А то мины начнет кидать. Загонит на запасную позицию. А там продувает, так и выюжит холодом из лощины. Неудачная позиция. Тут хоть затишно. Пригрелись.

– Поскорей бы их, гадов, за Десну протурить.

– Это так. Да только за Десной тоже земля наша, русская, и ее тоже выручать надо. Если б за Десной война кончилась, да тут бы мы его коленками задавили...

– Там все же легче будет. Смоленск рядом.

– А это правда, – вдруг согласился пожилой. – Там, за Десной, глядишь, сменят наш полк. Во второй эшелон отведут. Мы уже негожие стали, уморенные. Для наступления свежий народ нужен. Хоть вошь из одежды выморим. В баньке помоемся.

– Тебе, дядь Петь, только бы одно – в тыл, да вшей поморить.

– Тыл каждому солдату мил. А вошь заела. Что-то в последние дни больно густая пошла да злая. Надо ее поголовье снизить. А воевать... Навоюемся еще. Я, Колюшка, уже довольно пожил на этом свете. Детей, вон, нарожал. Дети большие уже. Если что, без отца не пропадут. Дом построил. Бабу красивую любил. И еще одну имел, городскую, интеллигентную.

– Вот так новость! Чужую, что ль?

– Нет, она незамужняя была, – возразил пожилой солдат. – Чужая, брат, это когда мужняя жена. С такой грех. А тут... Тут с ее стороны никакого греха. Тут уж, брат ты мой, я грех на душу принял.

– Ну и ну! Расскажи, дядь Петь, как дело-то было? – загорелся пулеметчик. – Ты про это раньше не рассказывал.

– Не рассказывал, верно. Про все, что в жизни приключилось, не расскажешь. Да и незачем.

Правее басовито и размеренно простучал длинной очередью ручной пулемет Дегтярева.

– А ты-то, парень, – продолжил свою речь старый боец, – бабу аль девку поимел хоть раз? Знаешь хоть, где у бабы жарче всего?

– Да было дело... – И пулеметчик вяло усмехнулся.

– Было? Аль врешь? А? Как про сапоги... – Пожилой добродушно засмеялся. – Значит, не было.

Помолчали.

– Ты ничего не слышишь? – вдруг насторожился пожилой.

– Что, дядь Петь?

– Будто зашуршало там.

– Где?

– Там, возле проволоки. Кинь-ка гранату. Ты половчее меня. А то подползут...

Ратников невольно напрягся. Он тоже прислушался, но ничего подозрительного не услышал.

Щелкнул запал, и через некоторое мгновение ночь разорвало взрывом гранаты.

– Не туда ты ее запульнул. Далекое. А ну-ка, другую, поближе.

За бруствером лопнула еще одна граната. На этот раз совсем близко, так что над траншеей упруго прожужжали осколки.

Нет, подумал со вздохом Ратников, не поговоришь на фронте о мирном, не забудешься в довоенных воспоминаниях, когда каждый миг был счастьем. А вот ему, Ратникову, счастье выпало и на фронте. Настоящее счастье с женщиной. Да такое, что только роман писать.

– Никого там нет, – сказал пулеметчик.

– Кто его знает. Береженого, знаешь...

– А может, кто из своих ползет? Раненые. С нейтралки. Там сегодня штрафников вон сколько осталось. Да, дядь Петь, наша судьба еще не такая лихая. А ихнего брата совсем не жалеют. Вон сегодня что было... Без артподготовки, под пулеметы...

– Осужденные ведь, – нехотя пояснил пожилой. – Искупить должны.

Ратников затаил дыхание и почувствовал, как пересохла губы.

– Да знаю я, за что иногда под трибунал угодить можно. Вон, Олейников с лейтенантом сегодня вышли. Повезло. Олейникова я знаю. Земеля мой, пулеметчик. Ты ж сам знаешь, какая у них история вышла.

– Ты, Колюшка, эти разговоры брось. Мы люди маленькие, и дело наше простое, солдатское.

– Да ладно тебе, дядь Петь! Весь полк знает, что Олейникова с лейтенантом за здорово живешь в «шуру» отправили.

– А я тебе говорю, помалкивай. Пушай другие говорят, а ты слушай да помалкивай.

Ратников уронил голову на колени и едва не разрыдался. Так внезапно и сильно подступило к горлу. И это сочувствие бойцов, и пережитый день, неимоверно тяжкий и долгий, и рукопашная на «тягуне», и то, как ползли оттуда к своей траншее, и страх, что там их ждет пуля или несправедливый упрек Соцкого, и холодная неизвестность, которая ждет впереди, на высоте, куда скоро надо идти вместе со взводом Порошина, – все нахлынуло разом, и такой горькой волной, что не было сил справиться с собой.

– Ты что, лейтенант? – высунулся из-за плеча траншеи Олейников, толкнул его в бок. – Приснилось что?

Ратников с трудом взял себя в руки.

– Приснилось... День был трудный.

– Да, денек был аховый. И как мы оттуда свои ноги унесли? Видно, товарищ лейтенант, нас бог бережет. Видно, для чего-то мы ему еще нужны.

На высоте со слабым упругим треском взлетели и вспыхнули сразу несколько осветительных ракет. Они зависли над проволочными заграждениями, над косыми кольями, потревоженными взрывами, над черными лунками воронок, над бугорками неубранных трупов. Ослепительный их свет раздвинул ночь, обнажил все, что можно было обнажить в мертвом пространстве между траншеями неприятелей, сошедшихся здесь в очередной своей схватке. С флангов, будто проверяя, нет ли на нейтральной полосе кого живого, застучали пулеметы. Длинными очередями – каждый пятый патрон трассирующий. Они обрабатывали «тягун» еще и еще раз, поражая мертвых и напоминая живым, что они тоже уже наполовину мертвые, что участь их уже решена, а мгновения дрящейся жизни только продлевают их страдания и тоску.

Ратников мгновенно понял, что это могло означать. Наши саперы выползли на нейтральную полосу, чтобы сделать проходы в минных полях и проволочных заграждениях, и их, похоже, обнаружили. Кто успел спрятаться в воронке, пока ракеты с треском взлетали и не раскрылись, расплескивая маслянистую темень, тому повезло: лежит сейчас на дне подаренного судьбой укрытия и, ликуя и дрожа, ждет, когда кончится обстрел. А кто не успел, тот будет, замерев, дожидаться своей пули в открытом поле.

– Да, товарищ лейтенант, у саперов тоже вон хлеб нелегкий, – разгадал его мысли Олейников; он тоже высунулся из траншеи, косо надвинув на свою огромную голову каску, и наблюдал за направлением пулеметных трасс.

Огненные стрелы возникали вверху, в первой траншее немцев, и кинжально, без всякой траектории, утыкались возле столбов проволочных заграждений. Теперь-то Ратников разглядел, что именно там, возле колючки, было особенно много трупов. Вот где остались штрафники.

И снова, угадывая мысли своего лейтенанта, Олейников прошептал с хрипотцой:

– Вон она, наша рота. Так бы сейчас и мы лежали. Неприбранные. Если бы не ротный. Что и говорить, он хоть и сволочь порядочная, а своим «максимкой» подсобил нам здорово.

И тут из траншеи открыли огонь сразу несколько наших пулеметов. Один заработал совсем рядом, так что слышно было, как звенели стреляные гильзы и переговаривались пулеметчики.

Так продолжалось с минуту-полторы. И, как по команде, неожиданно все замерли, и наши, и немцы. Видно, и там, и тут понимали, что внезапная пулеметная дуэль может перерасти в минометную, а этого никому не хотелось.

Снова вырвалась из-за пазухи черных небес луна. Осветила дно ровика, отвод, куда Ратников вытянул свои ноги в сырых сапогах. Сапоги он не снимал уже больше суток, и ноги стягивало усталостью. Свет луны упал в траншею, на автоматы, приставленные к стенке окопа, на запасные диски, прикрытые тряпицей, на бледное лицо Олейникова. Губы бойца кривились в гримасе застывшей улыбки.

– А мне тоже сон снился. Баба. То жратва, то баба. Хоть во сне нескучно... Но на этот раз у бабы моей была рожа нашего старшины Хомича. Хотя все остальное было натуральное. Это б сейчас моя бабка, Меланья Матвеевна, мой сон растолковала во всех подробностях. Я так думаю, что атака пойдет тяжело. К тому и сон. К хорошему Хомич не приснится. Не иначе опять в ихней траншее схватимся. Начнем, как и вчера, говядину делить...

На высоте хлопнул одиночный выстрел, по брустверу цокнула пуля и рикошетом, с упругим басовитым гудом ушла вверх, в черное невидимое пространство. Видимо, кто-то из бойцов неосторожно закурил.

– Судьба пролетела, – хмыкнул Олейников.

Сегодня в бой они пойдут уже не штрафниками. Так сказал Соцкий. Им выдали шинели, новые автоматы и хорошо накормили.

На высоте послышалось пиликанье губной гармошки. Гармошка выводила незнакомую мелодию. Видимо, немцы, пользуясь темнотой и временным затишьем, вышли на нейтральную полосу собирать своих убитых. И гармошка с ее незамысловатой мелодийкой посылала через минные поля и колья с колючей проволокой позывной: не стреляйте, мол, дайте мертвых собрать...

Ратников слушал гармошку и думал о том, что там, на «тягуне», лежит и его немец. Он закрыл глаза, но это не помогало; где-то вдаль, словно в воспоминаниях, играла себе губная гармошка, беспокоила, волновала, а совсем рядом, будто из глубины траншеи, мертвенно-бледной луной выплывало неподвижное лицо немецкого пехотинца с залитым розовой пеной гладко выбритым подбородком. Ратников повернул голову. Лицо немца исчезло. Но вместо этого видения возникло другое, более отвратительное – по длинному штыку его винтовки, окуная в розовую пену свой проворный хоботок, ползала толстая зеленая муха величиной с автоматную пулю. К горлу поползла тошнота.

Ратников торопливо отвинтил трофейную фляжку и сделал большой глоток, который сразу проглотить было невозможно. Он долго держал водку во рту, пока не начала саднить разбитая губа. И подумал: интересно, где сейчас моя винтовка? Завтра утром ее всучат очередному бедолаге, который побежит с нею по «тягуну» снимать судимость...

– Эх, была у меня мечта! – неожиданно прервал его невеселые мысли Олейников. – Всю жизнь мечтал выучиться играть на гармошке. Влюбился в одну деваху. Красивая, верткая, все при ней. А она все на гармониста посматривала. Сказала: вот научишься «кадриль» играть, буду гулять с тобой. Как я завидовал гармонистам! Мне казалось, что у них совсем другая жизнь с гармоней. Так я и не успел гармонь купить да освоить. Работа. Учеба. Курсы кончал. Опять работа. Потом война.

– Гармонь – наука несложная, – сказал Ратников. – Слух только иметь надо. Ноты чувствовать.

– Да чувствую я эти ноты. Дело не в нотах. Сперва денег не мог накопить. То сестренке платье с туфлями, то себе пиджак и новую кепку... А потом и не до гармонии стало.

– Ничего, Олейников, ты ж еще молодой. Научишься. И все девчата будут твои.

– Ерунда все это. Я вот о чем думаю: под суд нас, конечно, несправедливо отдали. Но и в штрафных люди воюют. За эти дни я что-то ни одного мерзавца рядом с собой не видел. Все ребята хорошие, боевые. Насчет табачка нежадные. Даже Соцкий... Старлей нас вчера крупно выручил. Если бы не поддержал нас пулеметным огнем, во рту бы у нас уже черви ползали, мякоть выедали.

– Олейников, – окликнул пулеметчика Ратников, – что с тобой?

– Да так. Заскребло что-то. Предчувствие нехорошее. Пули стал бояться. Вот пролетела сейчас, а мне показалось, что она, лютая, по мою душу прилетала. А у меня, лейтенант, в Германии дельце одно, серьезное. И если меня убьют... Были у меня два брата. Старший и младший, так они еще в московских боях сгнули. Без вести. И получается, что, кроме них, ты, лейтенант, мне теперь самый близкий человек. Братья мои, должно быть, погибли. А есть еще сестра. Самая младшая. Недавно я письмо от матери получил. А в письмо она другую весточку вложила. От сестры, от Галинки. Галинку немцы в Германию угнали, еще год назад, когда наш район под немцем был. И как она оттуда исхитрилась письмо написать? Самое главное, адрес свой прописала. Мать пишет, чтобы я ее нашел. И я ее найду. Братьев нет, так что мне теперь и выручать сестру. Но что-то мне нехорошо. Сердце пулю чувствует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.